
ШЁЛ
СОЛДАТ...

Шёл солдат...

Автор неизвестен--народные сказки, Александра Иосифовна Любарская, Михаил Соломонович Майофис

Аннотация
Шёл солдат.... Русские народные сказки
Про солдата Тарабанова
Волшебные карты
Беглый солдат
Загадки-отгадки
Как чёрт в солдатах служил
Про Петухана-Курухановича. и. Заплетай-Расплетаевича
Золотые перья
Солдатская щедрость
Щи из топора
Лев, щука и человек

Аннотация

Русские народные сказки.

Рассказала А. Любарская.

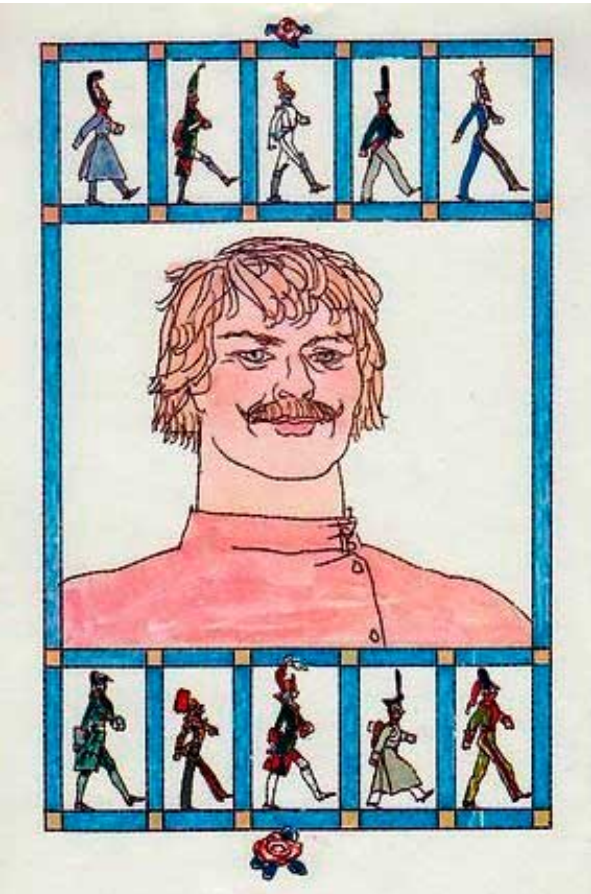
Для дошкольного и младшего школьного возраста.

Художник М. Майофис

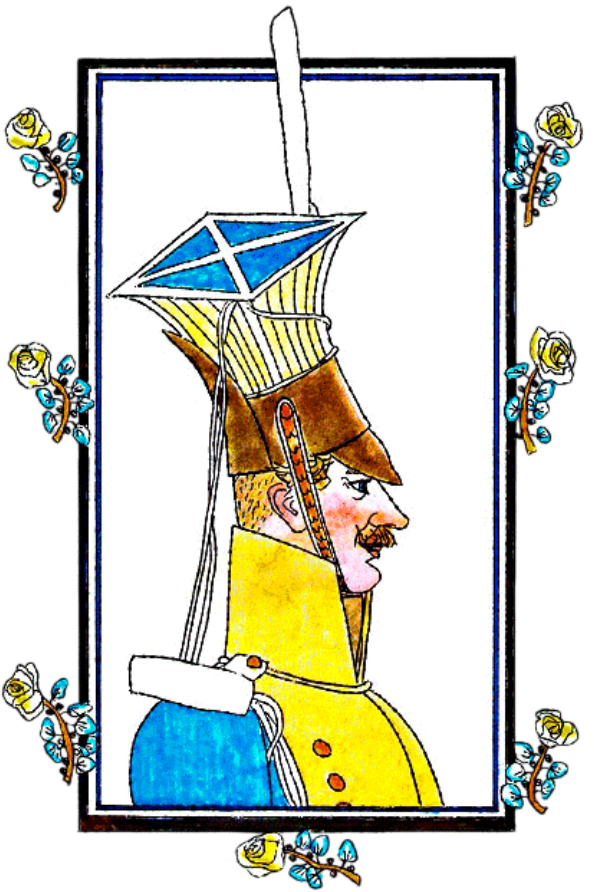
CΔΕΛΑΛ
CORVUS
Fb2•

Шёл солдат...

Русские народные сказки



Про солдата Тарабанова



Пошёл отставной солдат Тарабанов по́ свету странствовать. Шёл он неделю, и другую, и третью, шёл целый год и зашёл за тридевять земель — сам не знает куда. В какую сторону ни повернётся, кроме неба и деревьев ничего не видать. Чаща дремучая. И ни людей, ни зверей, всё как вымерло.

Долго ли, коротко ли — выбрался он наконец на открытую поляну. А на той поляне дворец стоит. Смотрит Тарабанов на дворец и диву даётся: этакого богатства ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

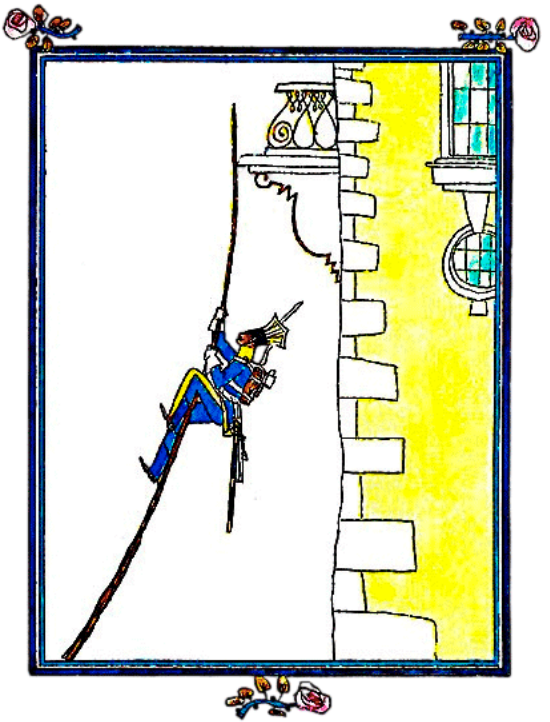
Обошёл Тарабанов кругом дворца — сторожей нет, а войти нельзя. Нигде ни ворот, ни подъезда, ниоткудова хода нет.

Ну, солдат на то и солдат, чтобы пройти там, где хода нет.

Огляделся Тарабанов — видит, длинная жердь валяется. Поднял он её, приставил к балкону.

«Держись, брат Тарабанов, — сам себе говорит. — Где наша не пропадала!»

Напустил на себя смелость и полез по той жерди. Влез на балкон, растворил стеклянные двери и пошёл по всем покоям. Осторожно так идёт, с оглядкой. Только ни к чему это: везде пусто, тихо, нигде ни живой души.



Обошёл Тарабанов таким манером весь дворец, толкнул последнюю дверь, а там! — посреди залы круглый стол стоит, на столе двенадцать блюд с разными кушаньями и двенадцать графинов с разными напитками. Тут, хочешь не хочешь,

ноги сами к столу идут. Взял Тарабанов с каждого блюда по кусочку, отпил из каждого графина по глоточку, выпил и закусил. А потом залез на печку, ранец под голову и прилёг отдохнуть. Да не успел задремать, слышит — распахнулось окно, словно от ветра, и влетели одна за другой двенадцать лебёдушек. Ударились они об пол и стали красными девицами — одна другой лучше. Крылышки свои возле печки сложили, уселись за стол кружочком и начали угощаться — каждая со своего блюда, каждая из своего графина.

И вдруг одна говорит:

— Послушайте, сестрицы, у нас что-то неладно. Кажись, вина отпиты и кушанья по́чаты. Не иначе как был кто-то здесь.

— Полно тебе, сестрица, — говорят другие. — Завсегда тебе что-то кажется. Больше всех ты знаешь.

А солдат заприметил, куда они крылышки сложили, высунулся тихонько и взял пару крылышек — той самой девицы, что была всех догадливей. Взял и спрятал. Поели-попили красавицы, побежали к печке — и ну разбирать свои крылышки. Все разобрали, только для одной крылышек не хватило.

Мечется она, во все углы заглядывает.

— Ах, сестрицы, — говорит, — моих крылышек нет. Помогите мне крылышки найти.

А сёстры в ответ:

— Ты же у нас самая хитрая. То знаешь, чего никто не знает. Вот и ищи сама свои крылышки.

Ударились они об пол, обернулись белыми лебёдушками и улетели в окно. Одиннадцать улетели, а двенадцатая осталась. Не улететь ей.

Плачет, вздыхает бедная:

— Где же мои крылышки?

Тут солдат вылез из-за печки и говорит:

— А вот они, у меня. Только, хоть проси, хоть плачь, — ни за что не отдам тебе твои крылышки.

— Да как же я полечу без них?

— А зачем тебе улетать? Выходи за меня замуж. Ты, говорят, хитра, да и я не прост, вот и станем жить вместе.

Ну, она видит, что деваться некуда, и согласилась.

Повела она его в подвалы глубокие, открыла сундук, железом окованный, и говорит:

— Бери золота, сколько снесть можешь, чтобы было нам чем жить — не прожить, хозяйство водить.

Солдат насыпал полные карманы золота, потом

повыкидывал из ранца всё своё имущество солдатское и набил золотом ранец доверху. Взвалил на спину, и пошли они вдвоём в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришли в столичный город, подыскали себе квартиру и расположились на житьё.

Живут-поживают, забот не знают.

В один день говорит солдату жена:

— Вот что, Тарабанов, деньги у нас что вода текут, а назад не возвращаются. На тебе сто рублей, иди на базар и купи — как есть на всю сотню — разного шёлку. Буду ковры плесть.

Пошёл Тарабанов. Накупил шёлку на все сто рублей. На все — да без гривенника. Гривенник себе на табачок припрятал.

Приходит домой, отдаёт покупку жене.

Она спрашивает:

— На все сто принёс?

— На все, — говорит Тарабанов.

А жена ему:

— Ан, нет. На все, да без гривенника.

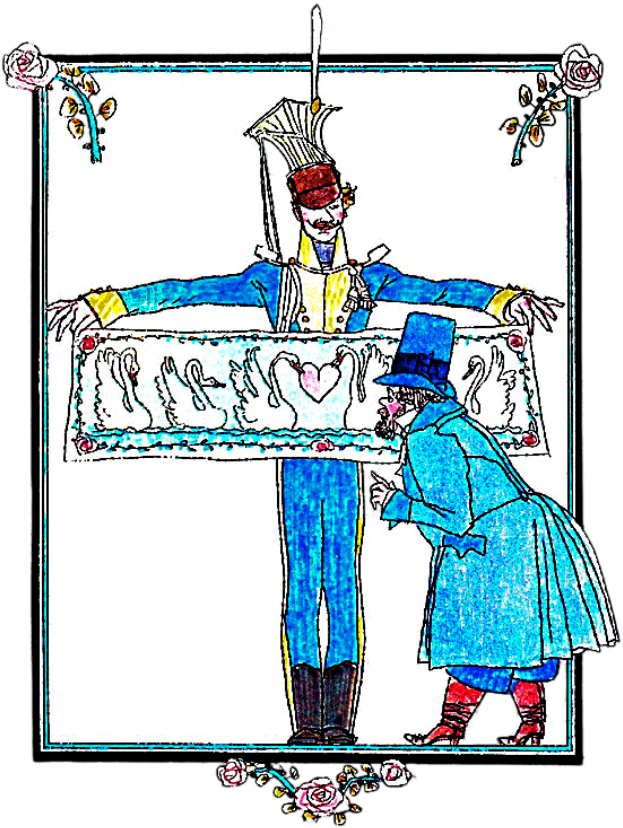
«Ишь какая, — думает Тарабанов, — всю подноготную знает. Недаром сёстры про её хитрость говорили».

— На первый раз прощаю тебя, — жена говорит, — а в другой раз не ошибись.

И села ковры ткать. Вышила три распрекрасных ковра и послала мужа продавать.

Только вынес он ковры на базар, как один богатый купец все три ковра разом сторговал и за каждый ковёр по три тысячи выложил. Солдат доволен, и купец рад.

У купца-то своя корысть была.



Дождался он большого праздника и понёс те ковры царю в подарок. «За такой подарок, — думает, — не обойдёт меня царь своей милостью».

Царь как взглянул на те ковры, так и ахнул:

— Да какие же это руки работали!

— А это, — говорит купец, — простая солдатская жена вышивала.

— Быть не может! — говорит царь. — Где живёт? Я сам к ней поеду.

И на другой же день отправился новую работу ей заказывать.

Приехал, увидел красавицу да так и остолбенел. Про заказы и думать забыл. Одно у него на уме: как бы от солдата избавиться, а его красавицу в жёны себе взять.

Вернулся во дворец и сразу призывает к себе любимого генерала.

— Ты, — говорит, — военному искусству обучен, выдумай, как извести солдата. Выдумаешь — награжу тебя и чинами, и орденами, и золотой казной. Не выдумаешь — в солдаты разжалую.

— Ваше величество! Да тут и думать нечего! — говорит генерал. — Задайте ему трудную работу: пусть достанет вам Сауру-слугу. Давеча на базаре про этого Сауру разные байки-сказки рассказывали. Уж такой он слуга, этот Саура, — лучше не

выдумаешь. Что ни прикажешь, всё вмиг сделает. И будто в кармане поместиться может. А живёт на краю света. Одно слово — сказка! Пусть-ка ваш солдат за этой сказкой по свету побегает. А всё равно вернётся без Сауры. Вот мы с него голову и снимем.

— Это ты хорошо придумал, — говорит царь.

И приказал послать за солдатом.

Привели его во дворец.

Царь говорит:

— Неразумная ты голова, Тарабанов. Что же ты по базарам ходишь да хвастаешь, что Сауру-слугу достать для тебя плёвое дело? Что же наперёд ко мне не пришёл? От своего царя этакое утаил? У меня ведь двери ни от кого не заперты.

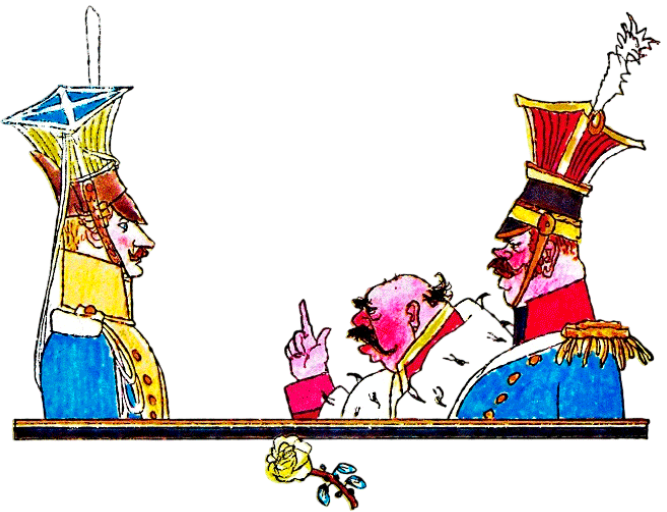
Тарабанов слушает и глазами хлопает, понять не может, про какого-такого Сауру речь идёт.

— Ваше величество, — говорит, — мне такой похвальбы и на ум не всходило. Я и слыхом не слыхал про этого Сауру.

— Ну, ну, брат Тарабанов, — говорит царь. — Не моги запираться! Ступай на край света и добудь мне Сауру-слугу. Не добудешь — злой смертью казню.

А генерал уже командует:

— Левое плечо вперёд! Шагом марш!



Вернулся солдат к жене и рассказал про своё горе.

— Это горе — не горе! — говорит жена.

Сняла она со своей руки колечко и ему даёт.

— На, — говорит, — возьми. Бросишь его перед собой и, куда оно покатится, туда и ступай — ни-

чего не бойся.

Наставила его на ум на разум и отпустила в дорогу.

Катится колечко, катится, не день и не два, — край света не ближний свет, — а за колечком солдат идёт.

Докатилось колечко до избушки, вспрыгнуло на крыльцо. И солдат за ним. Колечко в дверь — и солдат в дверь. Колечко под печку — и солдат туда же. Сидит дожидается, что будет.

Вдруг стукнула дверь и входит в избушку старичок — сам с ноготь, борода с локоть. Сел за стол да как закричит:

— Эй, Саура! Покорми меня!

И только сказал, в ту же минуту перед ним стоит бык печёный, в боку нож точёный, рядом чеснок толчёный и сороковáя[1] бочка пива тут же.

А самого Сауры — не видать.

Старичок — сам с ноготь, борода с локоть — взялся за нож точёный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать. Обработал быка до последней косточки, выпил целую бочку пива, бородой утёрся и говорит:

— Спасибо, Саура, хорошее твоё кушанье, толь-

---

[1] notes: 1

Сороковёдерная. *(Прим. книгодела).*

ко маловато. Через три года опять к тебе буду. Жди!

Попрощался и ушёл.

Тут солдат вылез из-под печки.

«Дай, — думает, — и я позову этого Сауру».

Принял бравый вид и тоже — как крикнет:

— Эй, Саура! Иди сюда!

— А я здесь, служивый! — откликнулся голос.

А самого Сауры не видать.

— Не покормишь ли, брат, и меня? — спрашивает солдат.

— Отчего же не покормить? Покормлю, — говорит Саура. — Садись за стол.

И тотчас подал ему жареного быка и сорокову́ю бочку пива.

— Что ты, Саура, — говорит солдат, — мне этого и в год не съесть, не выпить.

— А я тебе помогу!

— Сделай одолжение!

Поели они. Каждый свою меру съел и выпил.

— Слушай, Саура, — говорит солдат, — не пойдёшь ли ко мне служить?

— Да коли возьмёшь, — я с радостью. Надоел мне мой старик. Такой обжора, никак его досыта не употчуешь.

— Ну, значит, по рукам, — говорит солдат. —

Полезай в карман.

— А я, сударь, давно уже там!

Вышел Тарабанов из избушки, бросил под ноги колечко, и покатилось оно в обратный путь.

Долго ли, коротко ли — пришёл солдат домой. Отдохнул малость с дороги — и к царю.

— Ты что же один явился? А? — говорит царь, а сам рад-радёшенек. — Я за чем тебя посылал? Где Саура-слуга?

— А я здесь, царь-батюшка, — откликнулся Саура.

Царя так и передёрнуло.

— Да где здесь?

— А у тебя в кармане. Может, прикажешь что? Поесть или выпить?

— Когда захочу, тогда и прикажу, — говорит царь. — Сиди да помалкивай.

А солдату только рукой махнул: ступай, мол, прочь.

Потом позвал своего генерала.

— Слыхал? — сурово так спрашивает. — Видал? Вот ты говорил, и думать тут нечего. А думать есть о чём. Говорил, сказки это и байки. А солдат и сам пришёл, и Сауру привёл. Что теперь делать прикажешь? Как от солдата избавиться?

Генерал только в затылке чешет. А потом го-

ворит:

— Ваше величество, для этого солдата можно найти службу потруднее. Прикажите ему на тот свет пойти, проведать вашего покойного батюшку. Уж тут-то — дело верное — ему не вывернуться.

Понравилось это царю. Послал он за Тарабановым курьера.

— Чтобы сей же миг ко мне явился!

Поскакал курьер.

— Эй, служба, одевайся, царь тебя требует!

Тарабанов шинель почистил, пуговицы надраил — и во дворец.

Пришёл, а царь сидит — брови нахмурил, глаза злющие. И генерал тут же.

Спрашивает царь:

— Ты что же, Тарабанов, службу солдатскую не знаешь?

— Виноват, ваше величество!

— Виноват, виноват… Мне из твоей вины шубу не шить. А в чём виноват, знаешь?

— Виноват, ваше величество! А в чём виноват, не имею чести знать.

— А вот я знаю, — царь говорит. — Ты что же но базарам и площадям ходишь, по всем сторонам хвастаешь, что можешь на тот свет сходить,

моего покойного батюшку повидать, а мне — ни гу-гу? Почему мне не доложишься? Царь я тебе или не царь?

— Помилуйте, ваше величество, — говорит Тарабанов, такой похвальбы мне и в голову не всходило, чтобы на тот свет дойтить. Окромя смерти, иной дороги туда не знаю, не ведаю.

— Ты эту песенку оставь, — говорит царь. — Про Сауру-слугу тот же разговор был. А ведь нашёл, а ведь достал! Так что вот тебе мой приказ: отправляйся на тот свет, узнай, как мой покойный батюшка живёт-поживает, не нужно ли ему чего, и мне доложи. А не выполнишь приказа — прощайся с жизнью. Да запомни: я шутить не люблю.

Воротился Тарабанов домой темнее тучи. И живой ещё, а с жизнью уже прощается.

Спрашивает его жена:

— Что приуныл, любезный друг? Открой мне правду.

Он и рассказал ей всё по порядку.

— Не печалься, — говорит жена. — Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

На другой день поутру, только проснулся солдат, жена ему говорит:

— Ступай к царю и проси себе в попутчики того

самого генерала, что царя на тебя наущáет.

Пошёл Тарабанов. Просит царя:

— Ваше величество, дайте мне генерала вашего в попутчики. Пусть он свидетелем будет, что я на том свете побывал и родителя вашего повидал. Пусть своими глазами увидит, что без обмана всё было.

— Это ты хорошо придумал, — говорит царь. — Ступай домой, собирайся. Я его пришлю к тебе.

Тарабанов домой зашагал.

А царь генерала своего любимого к себе потребовал и говорит ему:

— Отправляйся, — говорит, — и ты с солдатом. А то ему одному поверить нельзя. За ним глаз да глаз нужен.

Генерал струхнул малость, да делать нечего: царского слова не ослушаешься. Приказал он заложить четвернёй дорожную коляску и отправился на квартиру к солдату.

Вошёл в дом и спрашивает:

— Ну, готов, что ли? Собрался?

— Так точно, готов, ваше превосходительство. Только ещё не собрался. Да солдатские сборы быстрые.

Набил Тарабанов полный ранец сухарей, налил воды в манерку, попрощался с женой, взял у неё

колечко и говорит:

— Теперь и в путь-дорогу можно!

Вышли они во двор, а у крыльца коляска стоит.

— Это кому ж? — Тарабанов спрашивает.

— Как кому? Нам с тобой, — говорит генерал.

— Э, нет, ваше превосходительство, — говорит солдат. — Коляски нам не потребуется. На тот свет пешком ходят. Засмеют нас на том свете с коляской.

Бросил он под ноги колечко, колечко катится, а за кольцом солдат идёт, а за солдатом генерал тащится.

Путь далёкий, захочется солдату есть — достанет он сухарик из ранца, помочит в воде и кушает. А попутчик его только смотрит да зубами пощёлкивает. Коли даст ему солдат сухарик — ладно, а не даст — так идти приходится.

Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли — докатилось колечко до глубокого-преглубокого оврага и вниз покатилось, да быстро так! Солдат за ним где бегом, где вприпрыжку, а за солдатом генерал трусцой бежит, еле поспевает.

Докатилось колечко до самого дна оврага и остановилось.

Всё, значит. На тот свет приехали.

Солдат с генералом прямо на землю плюхнулись — дух перевести.

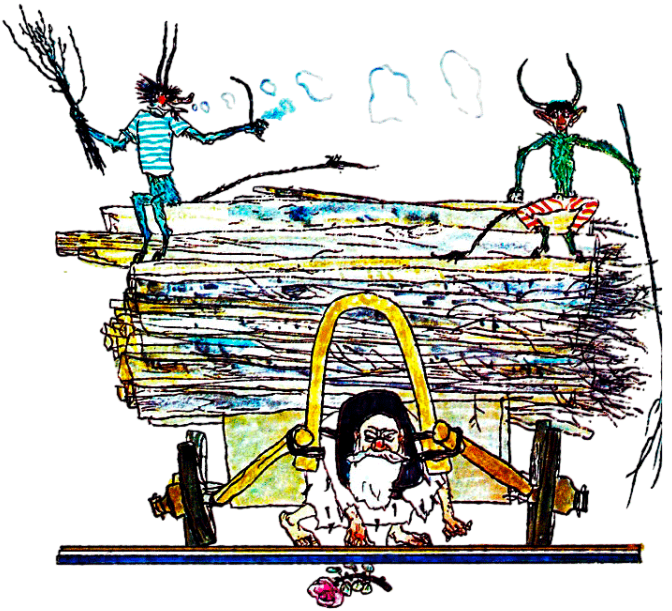
Не успели отдышаться, глядь — мимо них на старичке почтенном два чёрта дрова везут. Воз большущий, такой и лошадь не сдвинет. А они, черти, ещё подгоняют возчика дубинками — один с правого боку, другой с левого.

— Но-но! — покрикивают. — Шевелись живее!

Солдат смотрит — глазам не верит.

— Ваше превосходительство, — говорит генералу, — да никак это старый царь?

— Он самый, — говорит генерал.



Тут солдат вскочил и кричит чертям:
— Эй, господа нечистые, постойте! Подождите!
Черти подняли рогатые головы и спрашивают:

— Чего тебе?

— Ослобоните мне этого покойника хоть на малое время. Разговор у меня к нему есть.

— Ишь что выдумал! Есть когда время разговоры разговаривать. Пока ты с ним будешь тары-бары разводить, у нас в пекле, пожалуй, огонь погаснет. Может, прикажешь самим дрова возить?

— Да зачем самим? — говорит солдат. — Вот возьмите у меня свежего человека на смену. — И на генерала показывает.

Черти мигом отпрягли старого царя, на его место заложили в телегу генерала и давай его с двух сторон нажаривать. Тот гнётся, а везёт.

А покойный царь рад передохнуть. Присел на пенёчек и спрашивает солдата:

— Ну, говори, — зачем пожаловал? Что у вас там стряслось?

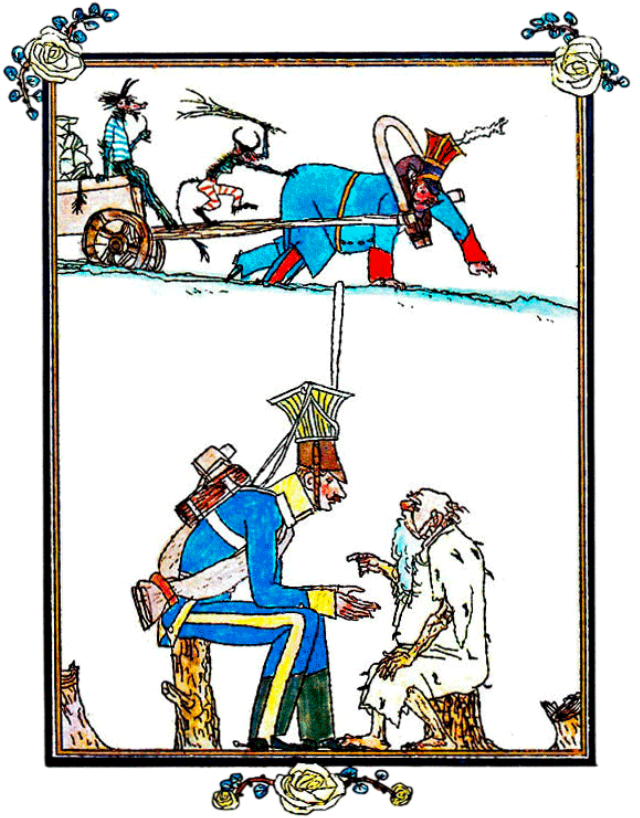
— Да ничего такого особого, — говорит Тарабанов. — Наш царь, а ваш сынок, приказал поклон вам передать да разузнать про ваше житьё-бытьё.

— Эх, братец, — говорит покойный царь. — Плохое мое житьё. Сам видел. Замучили меня черти, до костей спину и бока простегали. Ты передай сынку моему, чтобы потише он был, чтобы не

обижал простой народ, не то будут на нём черти дрова в пекло возить, как на мне возят.

Только успели они разговор покончить, как черти назад едут.

Генерал в упряжке едва держится.



А черти кричат:

— Эй, служивый, дай нам на этой свежей лошадке ещё разок съездить!

Генерал так и взмолился:

— Смилуйся, Тарабанов, освободи, пока жив.

Ну, солдат и смилостивился.

— Нам задерживаться нельзя, — говорит. — Обойдётесь своими работничками.

Забрал он у чертей генерала, и отправились они в обратный путь. Впереди колечко катится, за колечком солдат идёт, за солдатом генерал ковыляет.

Выбрались с того света на наш свет — и прямо во дворец.

Тарабанов каблуками щёлкнул, руки по швам и рапортует:

— Честь имею доложить: на том свете побывал, приказ выполнил.

А царь не верит.

— Не может того быть! Как же ты с того света мог вернуться?

— Как приказано, так и вернулся. Приказ для солдата святое дело. Да вы генерала вашего спросите.

Царь к генералу:

— А не врёт?

— Не врёт, — говорит генерал. — Были. — А про то, как его черти отделали, умалчивает.

— Ваше величество, — говорит Тарабанов, — ежели у вас сомнение есть, я и вас могу на тот свет сопроводить.

— Ну ты! Не очень-то!.. Говори да не заговаривайся, — прикрикнул царь. — Рассказывай, как батюшку моего нашёл, как он здравствует да что мне передавал.

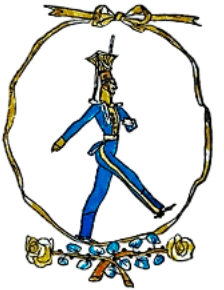
— Батюшку вашего я нашёл не очень-то как, и житьё у него не больно хорошее. С позволения сказать, черти на нём дрова возят. А вам батюшка наказывал передать, чтобы не обижали вы простой народ, а то не пришлось бы и вам у чертей в подручных бегать.

— Да ты как смеешь?.. Да я тебя… Да ты мне… — Раскричался царь, ногами затопал, от злости чуть не лопается.

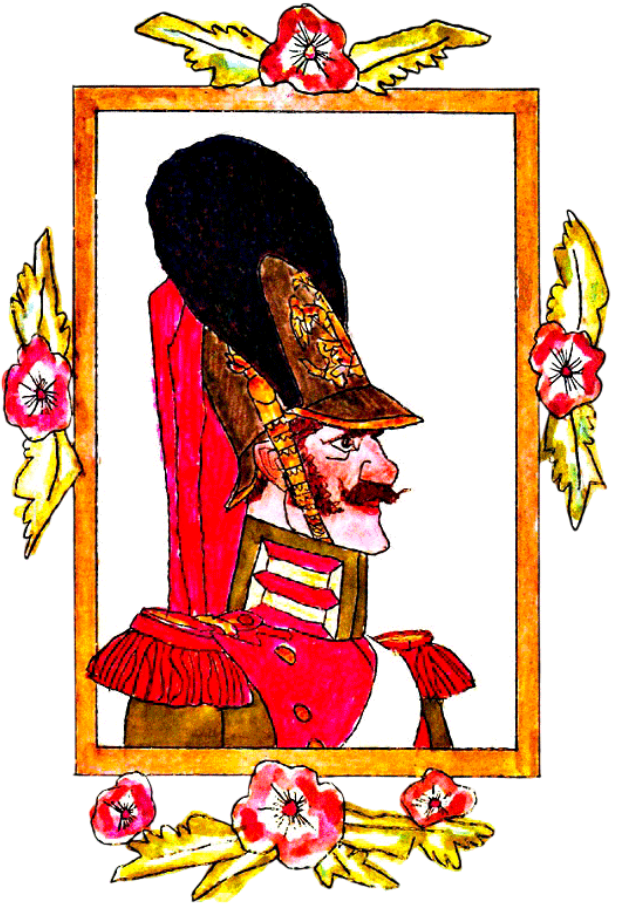
Так ведь и лопнул на самом деле.

— Видать, сам, без провожатого на тот свет отправился, — говорит Тарабанов. — Ох, не миновать ему пекла!

Отдал честь, как положено, левое плечо вперёд и пошёл себе домой.



Волшебные карты



Служил солдат на царской службе. Прослужил верой-правдой положенный срок, получил чистую отставку и пошёл себе домой. Шагает с полной солдатской выкладкой: на плечах шинелка, за плечами ранец, в ранце медный пятак, чёрствый сухарь да щепотка табаку.

Шёл он, шёл и притомился. Сел на пенёк.

А тут, случись, идёт по дороге нищий старичок. Увидел солдата и говорит:

— Не найдётся ли у тебя, служивый человек, табачку на понюшку?

Солдат думает: «Дать половину — так мало, обидится ещё», — и весь табак старичку отдал.

Пошёл дальше. Погодя немного опять встречается ему тот же старичок и опять просит:

— Не угостишь ли, служивый, голодного человека кусочком хлеба?

Солдат думает: «Разделить — так ничего не останется», — и отдал старичку весь сухарь.

Идёт дальше. И опять встречается ему тот же старичок.

— Не подашь ли, — говорит, — служивый человек, на бедность копеечку?

Солдат думает: «Эх, пятак-то у меня один — и захочешь, так не поделишь», — и отдал старичку свой пятак.

Тут вынимает старичок из кармана колоду карт, подаёт солдату и говорит:

— Возьми, служивый, — может, пригодятся они тебе. Эти карты такие, что никогда в проигрыше не останешься.

Ну, солдат и тем доволен. Поблагодарил он старичка и дальше своей дорогой пошёл.

Шёл, шёл, приходит в царскую столицу.

Ходит он по улицам и диву даётся: тихо всюду, никто громкого слова не скажет, никто не засмеётся. Из трактира и то шуму не слыхать.

Вот остановил он на улице одну старушку и спрашивает:

— Что это, бабушка, все словно в воду опущенные ходят? Уж не случилось ли чего в нашем царстве-государстве? Всё ли здоро́во?

— И-и, служивый, — отвечает старушка. — Какое там здоро́во! Видно, давно ты не был в наших краях! Большая беда у нас приключилась. Прикачнулся к царской дочери, к Марфе-царевне, нечистый дух. Каждую ночь мучает, покою не даёт. Уж чего только царь-батюшка не делал — и колдунов, и знахарей призывал. Да никто не избавил сердечную от налётного дьявола.

Выслушал это солдат и думает: «А что, не пойти ли мне счастья попытать? Может, избавлю ца-

ревну от напасти».

Почистил он шинель, пуговицы мелом натёр, ранец за спину — и марш во дворец.

Как услышали царёвы слуги, зачем он идёт, подхватили его под руки и привели к самому царю.

А царь сидит на троне в превеликой печали, шёлковым платочком слёзы с глаз отирает — то с правого глаза, то с левого.

Отдал солдат честь — стоит, словно аршин проглотил.

— Здравствуй, служба! — говорит царь. — Что хорошего скажешь? Зачем пожаловал?

— Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает. Так вот, могу её вылечить.

Обрадовался царь:

— Ах, братец, сделай милость, услужи. Коли избавишь мою дочь от нечистого, получишь её в жёны, да ещё полгосударства в приданое.

— Рад стараться, — говорит солдат. — Прикажите только, ваше величество, чтобы выдали мне всё, что потребуется.

— Говори, что надобно, — всё будет.

— А вот что мне надобно, — говорит солдат, — меру чугунных пуль, меру грецких орехов, да

ещё железный налобник и железное подобие человека, чтобы руки-ноги у него на пружинках ходили.

— Хорошо, к вечеру получишь, — говорит царь.

Изготовили солдату к сроку всё, что требовалось.

Обошёл он дворец, запер накрепко все двери и окна, а сам поместился в покоях перед самой царевниной спальней и дверь в те покои незатворённой оставил.

Потом зажёг свечи и всё своё хозяйство по местам распределил: карты на стол выложил, в один карман насыпал чугунных пуль, в другой — грецких орехов, надел налобник, а железного человека в тёмном углу поставил.

Управился со всем и стал у двери на часах.

Стоит, ждёт, когда сын сатаны явится.

В самую полночь прилетел нечистый дух.

Торкнулся в одну дверь, в другую, туда, сюда — всюду закрыто, нигде ни входа, ни выхода. Летал, летал, наконец видит открытую дверь.

Скинулся нечистый человеком, хочет войти.

А солдат — шашку наголо.

— Кто идёт?

— Свои, — отвечает чёрт.

— Свои ли, чужие, а назовись-ка сперва!

— Да ты-то сам откуда взялся? — спрашивает чёрт.

— Я солдат, слуга царский. А ты кто такой?

— А я придворный государский.

— Где же ты, нечистая сила, до сих пор таскался?

— А где был, там теперь меня нет. Пропусти-ка, служивый.

— Нет, брат, где тебя нет, там тебе и не бывать.

А сам орешки из кармана достал и пощёлкивает.

— Послушай, — говорит чёрт, — дай-ка мне орешков погрызть.

— Много вас, бродяг, тут ходит, — говорит солдат. — Ежели всех орехами оделять, так самому ничего не останется.

А чёрт знай твердит:

— Дай, служивый! Ну хоть один орешек!

— Ну, ладно, отстань только, — говорит солдат. И даёт ему чугунную пулю.

Чёрт взял пулю в рот, грыз-грыз, никак не разгрыз, только в лепёшку смял да три зуба себе поломал.

А пока он с чугунной пулей маялся, солдат орехов двадцать разгрыз.

— Эх, служивый, — говорит чёрт, — и крепкие же у тебя зубы!

— Да это что! — говорит солдат. — Это я ещё над сухарями зубы попритупил, а ты посмотрел бы, каков я был с молодых годов! Не тебе чета!

Обидно чёрту слушать такие слова. Да ответить нечего.

Думает чёрт: «Как бы этого солдата перехитрить, верх над ним взять?»

Вдруг видит: карты лежат на столе.

Вот и говорит он солдату:

— Слушай, служивый, давай в карты играть.

— Давай. А на что играть-то будем?

— Как на что? Известно — на деньги.

— Ах ты нечистая сила! Да посуди сам, какие же у солдата могут быть деньги! Он всего жалованья три медных денежки получает. А надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и табаку, и в баню сходить, и бороду побрить. Нет, на деньги не пойдёт. Хочешь на щелчки играть?

— Что ж, пожалуй! Да чтобы не пятиться.

— Ладно, смотри, как бы сам не попятился!

Сели они играть.

Нечистый и играет нечисто.

А солдат хоть и видит его проделки, а виду не показывает. Да ещё и поддаётся.

Наиграл чёрт на солдата десять щелчков.

— Давай, — говорит, — бить стану.

— Бей! — говорит солдат и сам ему лоб подставляет.

Чёрт давай щёлкать его по налобнику.

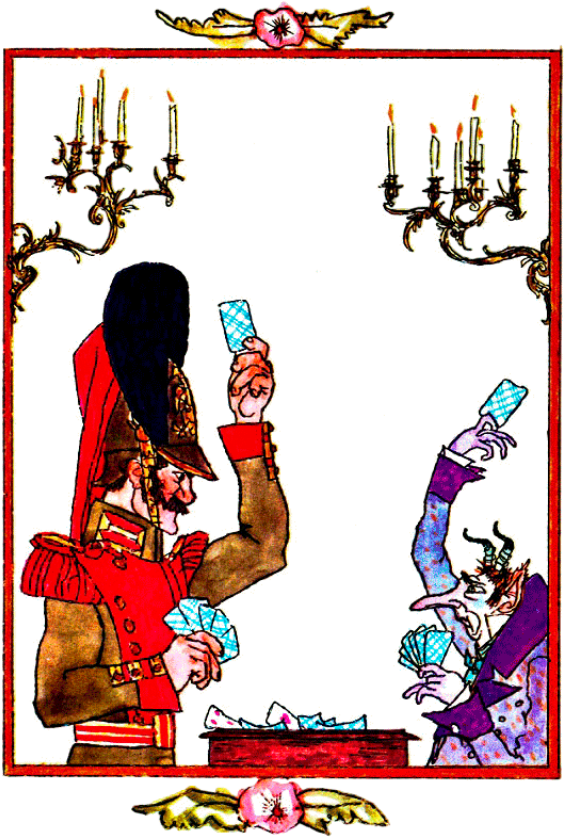
Налобник гудит, а солдату хоть бы что!

Отсчитал чёрт десять щелчков.

Что ж, теперь мне отыгрываться надо, — говорит солдат. — Это разве игра была — так, шуточки.

Сели снова играть.

Тут уж дело по-иному пошло. Не везёт чёрту — ну прямо чертовски. Наиграл солдат на нечистого десять щелчков.



— Ну, — говорит, — подставляй теперь ты свой лоб. Покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть. По-солдатски врежу. И другу и недругу закажешь.

Струсил чёрт.

— Да ты, служивый, не очень-то бей! Ты не во всю силу!

— А что, испугался? — говорит солдат. — Как дело к расчёту, так сейчас и отлыниваешь? Нет уж, мне никаким способом нельзя тебя пощадить. Я солдат и в том присягу давал: завсегда поступать верой и правдой.

Чёрт молит, чёрт просит:

— Возьми, служивый, деньгами!

— А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки — щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшóй брат Оксён, он пробьёт тебе щелчки потише моего. А не хочешь — давай, сам буду бить.

— Нет, служивый, веди лучше к меньшóму брату.

Потянул солдат чёрта к железному человеку и тронул пружинку. Тут как щёлкнуло чёрта по лбу! Кубарем к другой стенке отлетел.

— Э, нет, — говорит солдат, — уговор был не пятиться.

Схватил чёрта за руку и опять к железному

человеку тянет.

Вот в другой раз тронул солдат пружинку да так чёрта угостил, что тот без оглядки бежать бросился.

А солдат кричит ему вслед:

— Помни же, нечистая сила: за мной ещё восемь щелчков осталось!

Утром спрашивает царь Марфу-царевну:

— Что, дочь моя любезная, каково почивала?

— Хорошо, государь-батюшка, давно я так сладко не спала, как нынче.

На следующую ночь отрядил сатана во дворец другого чёрта. Приходит тот. Ну, слово за слово, сели играть в карты. Досталось и этому на орехи! Едва живой ноги из дворца унёс.

В тринадцать ночей перебывало у солдата тринадцать чертей — вся как есть чёртова дюжина.

Призадумался тут сатана.

«Дай, — думает, — я сам пойду, на этого солдата погляжу: что за чёрт такой?»

И пошёл.

А солдат хитёр! Приказал изготовить себе рукавицы железные десятифунтовые, царапку железную о пяти зубьях да содрать дудкой три воловьи шкуры.

В полночь является во дворец сатана.

— Здорово, служивый! — говорит.

А солдат ему:

— Шёл бы ты отсюда подобру-поздорову! А то и тебе от моего меньшóго брата достанется.

Ну, солдат хитёр, да и сатана не прост.

— Что мне твой меньшóй брат, — говорит. — С сатаной разговариваешь, не с кем-нибудь! Давай-ка мы с тобой силой померимся. Да уговор такой: кто верх возьмёт, тому и оставаться здесь.

— Что ж, — говорит солдат, — я не прочь. А как мериться будем?

— А на кула́чках.

— Ладно. Ну-ка поконúмся — чей первый удар.

Стали они конúться. Достался сатане первый удар.

Сатана развернулся да как стукнет! Раз, другой, третий. И всё в одно место метит — в лоб да по лбу.

Ну, сатана хоть и не прост, да и не мудрён: невдомёк ему, что у солдата налобник железный.

Бьёт сатана солдата, а тому хоть бы что, только посмеивается:

— Ну, ну, бей посильнее!

— Погоди, служивый, — говорит сатана, — дай передохнуть, руку себе зашиб. Твердолобый вы

народ, солдаты!

— Ну, отдыхай себе, — говорит солдат, — а пока что я свою силу покажу.

И как стукнет сатану железным кулаком — сатана так на месте и завертелся.

А солдат его ещё раз, да ещё, да ещё! И сам посмеивается:

— Слабосильный вы народ, черти! И уж больно на голову не крепки. Что, ещё, что ли, мериться хочешь? Или расхотелось? Небось испугался насмерть!

— Уж ты сам не испугался ли? — говорит сатана. — Я тебе для смеху поддаюсь, а ты и рад. Нет, меня не перехитришь. Давай-ка теперь в чехарду-езду с тобой сыграем.

— Что ж, давай, — говорит солдат. — Только играть — так уж всерьёз, без поддавков.

Стали они опять кони́ться. Опять чёрту досталось первому на солдате ездить.

Вот сатана прыгнул на него, да когтями всю шкуру с солдата и снял. Сатана-то хоть не прост, да глуп: он-то думал, что это солдатская шкура, а она — воловья!

Три раза сатана на солдата махал, все три воловьи шкуры с него спустил. А солдату хоть бы что!

— Ну и толстокожий вы народ, солдаты! — го-

ворит сатана.

Смеётся солдат:

— А нам иначе никак нельзя. Солдат и в огне не горит, и в воде не тонет. Такая уж наша служба! Верно, брат Оксён?

Оглянулся сатана. Смотрит, в углу человек стоит.

— Это, что ли, твой младший брат?

— Он самый, — говорит солдат.

— А чего это он рот разинул? — спрашивает сатана.

— Да над тобой смеётся.

Обиделся сатана:

— Молод ещё надо мной смеяться. Проучить бы его хорошенько!

— Так ты проучи! — говорит солдат.

Подошёл сатана к железному человеку и только тронул — соскочила пружинка и зажала сатану, как клещами.

А солдат взял царапку и давай его по спине поглаживать.

Орёт сатана во весь голос, а солдат только смеётся:

— Щуплый вы народ, черти! Вас только тронь — вся шкура с вас долой.

— Ой, пусти, служивый! — кричит сатана.

— Да я тебя разве держу? — говорит солдат. — Ты же сам поддаёшься. Сказано было всерьёз играть, а ты поддаёшься.

Насилу вырвался сатана. И уж так побежал, что не помнил, как дорогу в своё болото нашёл. Отдышался он немного и собрал всех чертей на совет: как бы выжить им этого солдата из дворца. Думали они, думали и решили золотом откупиться. Не откладывая дела, побежали к солдату.

А солдат увидел их из окошка и кричит громким голосом:

— Эй, брат Оксён, ступай скорее сюда! Должники пришли, надо щелчки отдавать.

— Полно, полно, служивый, — говорят черти. — Мы пришли к тебе с мировой. Сколько хочешь возьми с нас золота, только уйди ты, пожалуйста, из дворца.

— Нет, — говорит солдат, — что мне золото! Уж коли хотите уважить меня, вот что сделайте. Слыхивал я, что нечистая сила больно хитра, хоть где поместится. Вот коли правда это, залезьте-ка все в мой ранец. Залезете — так я от вас навсегда отступлюсь и уж, право слово, уйду из дворца!

Обрадовались черти.

— Это для нас самое простое дело, — говорят. — Открывай свой ранец.

Солдат открыл ранец, черти полезли туда — все до единого, а сатана сверху лёг.

— Вы поплотнее укладывайтесь, — командует солдат, — чтобы на все пряжки ранец застегнулся. А не застегнётся, так уговор не в счёт.

— Ты застёгивай, застёгивай, — говорят черти. — Не твоя печаль, как мы тут лежим.

— Ну, счастье ваше, коли застегну. А не то, не прогневайтесь, ни за что не уйду из дворца.

Стал солдат затягивать ремни — и верно, все пряжки застегнулись. Вскинул солдат ранец за спину и пошёл прямо к царю.

— Получай, царь-батюшка, — говорит. — Всю нечистую силу подобрал, все тут! — И по ранцу постукивает, словно барабанную дробь выбивает.

— Да верно ли, что все? — говорит царь.

— Все! Все! — кричат черти из ранца. — И сатана с нами!

— Ну, коли все, — говорит царь, — так всех их сжечь в этом самом ранце.

— Ранца жаль, батюшка царь, — говорит солдат. — Сколько он мне служил!

— Пойдёшь в поход — я тебе новый дам! — отвечает царь.

На том и порешили. Натаскали царёвы слуги из лесу преогромную гору дров, распалили костёр и сожгли всех чертей.

Тут говорит царь солдату:

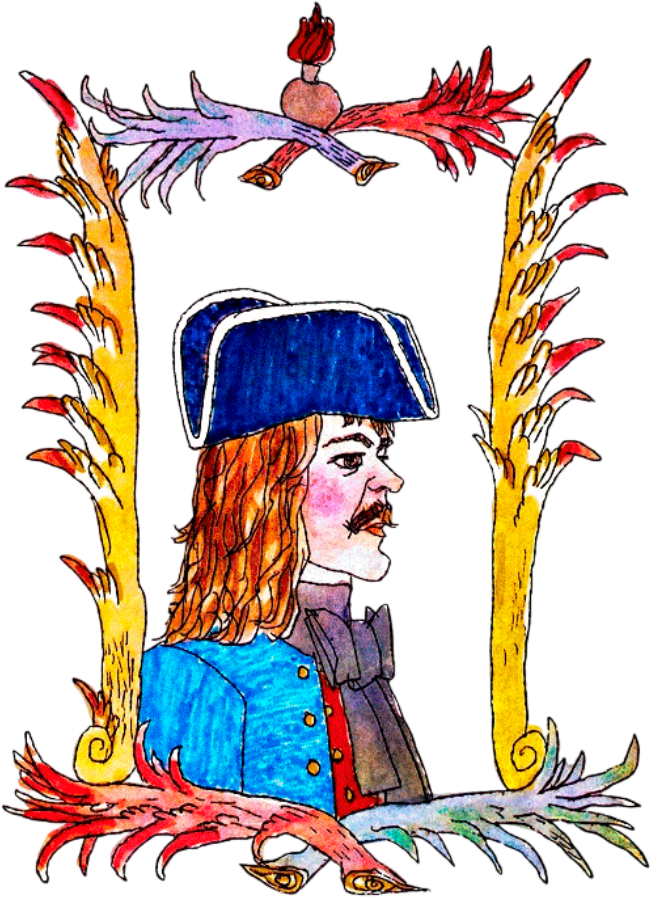
— Вот, что, служивый, моё царское слово верное — возьми за себя дочь мою, Марфу-царевну, и полгосударства в придачу. А как я помру, то и всем царством-государством управляй.

Назавтра же приказал царь — весёлым пирком да за свадебку.

Полилось вино из бочек, полетели пироги из печек.

Весёлый был пир — на весь мир!

Беглый солдат



Жил на свете такой царь, Петром звали, а по прозвищу Великий.

В одно время поехал он на охоту зверьё ловить. А Пётр, надо сказать, в царскую одёжу не любил рядиться, всё больше простую носил.

Вот едет он лесом всё далее и далее и заплутался. Пристигла его в лесу тёмная ночь.

А тут — ещё беда! — напал на него медведь и растерзал его охотную собаку.

Опечалился царь Пётр.

«Эх, — думает, — остался я теперь ни при чём!»

Ну и закружил Пётр в тёмном лесу.

Всю ночь кружил, а лесу конца-края нет.

Выехал Пётр на маленькую полянку и вдруг видит: сидит на пеньке солдат.

«Ага, — думает Пётр, — солдат-то мой!»

Пётр одним только глазом глянул на его одёжку-обувку и уже знает, какого он полка.

А солдат этот в бегах был, в лесу прятался.

— Здравствуй, служивый, — говорит ему Пётр.

— Здравствуй, не знаю, кто ты таков, — отвечает солдат.

— А я из царской свиты. Поехал с царём на охоту да и отстал, с дороги сбился. А ты откуда? Куда путь держишь?

— Тебе-то что за надобность, откуда я да ку-

да? — говорит солдат.

— Да я по простоте спрашиваю, — говорит Пётр. — Может, дорогу мне покажешь.

— А я сам с дороги сбился, — говорит солдат. — Домой на побывку ходил да и заплутался в этом лесу.

— Ну, пойдём, будем вместе дорогу искать, — говорит Пётр. — Авось выберемся.

И отправились. Пётр — на коне, а солдат — пеший.

— Тебя как звать-то? — спрашивает царь.

— Меня — Петром, — отвечает солдат. — А тебя?

— А меня Петрушей, — говорит царь.

— А по батюшке как? — спрашивает солдат.

— А по батюшке Алексеич, — отвечает царь.

— И меня Алексеич, — говорит солдат. — Значит, мы с тобой полные тёзки.

— А ты откуда родом? — спрашивает царь.

— Оттуда-то.

— Ну и я тоже. Значит, мало что тёзки, а ещё и земляки. А что, земляк, — говорит ему царь Пётр, — как тебе в полку служится?

— Служба-то ничего, — говорит солдат, — да полковник больно зол: чуть что не по нём — сейчас драться. Пуговицу вот потерял, так он меня за

эту пуговицу му́кой замучил. Каждый день бил. Хоть плачь. Хоть беги.

— А ты, верно, и сбежал? — говорит царь.

Солдат и признался тут, что он бежавший.

— Да ты не робей. Царь, может, и простит, — говорит Пётр.

А потом спрашивает:

— А кто у вас полковник, кто ротный?

Солдат ему всё толком и доложил: кто ротный, кто полковник.

— А как, служивый, у вас в полку пища? — спрашивает Пётр. — Говядины по скольку варят? По уставу в котёл кладут?

— Про устав одна слава идёт, — говорит солдат, — а говядина мимо плывёт.

Пётр только головой покачал.

— А кашу крутую варят? — опять спрашивает.

— Какое там крутую! — говорит солдат. — Крупинка от крупинки на версту, на ложку и не поймать.

— Да, плохая ваша жизнь, — говорит Пётр. — Я и сам сбежал бы от такой жизни!

Долго ли, мало ли плутали они по лесу и увидели преогромную сосну.

— Ну-ка, тёзка, — говорит Пётр солдату, — подержи моего коня, а я заберусь повыше, посмотрю,

не видать ли где огонька.

Забрался Пётр на самую вершину, поглядел туда, сюда: всюду тьма непроглядная, только в одной стороне далеко-далеко огонёк светится, может, в деревне где или в избушке лесничего.

Слез Пётр на землю, вскочил на коня и говорит:

— Садись, служивый, и ты, мой конь сильный, двоих увезёт.

А солдат не соглашается.

— Нет, — говорит, — я уж лучше пешком.

Так и двинулись в путь, конный да пеший, два товарища.

Долго ли, коротко ли — выехали к огоньку.

Видят, стоит дом. Все окошки тёмные, а одно — наверху — светится.

Дом высоким забором обнесён, нигде ни входа, ни выхода.

Постучались они. Стоят, ждут. Никто на стук не отвечает.

Солдат и руками, и ногами в ворота колотит. А всё равно никто на стук не выходит, никто не открывает. Только огонёк в верхнем окошке погас.

«Ох, недоброе это место», — думает солдат.

А потом говорит:

— Послушай, тёзка, подсади-ка ты меня. Я через

тын перелезу.

Так и сделали. Перелез солдат через забор и открыл ворота.

— Пожалуйте, — говорит Петру, — хлеба-соли откушать, в тепле согреться.

А сам взбежал на крыльцо и давай в дубовую дверь стучать.

— Эй, кто тут есть? — кричит.

Слышат, зашевелился кто-то в доме.

Вышла к ним старуха с фонарём в руках.

— Ты что же, старая, добрым людям не открываешь? — кричит на неё солдат.

— Ах вы мои родимые! — говорит старуха. — Напугали вы меня. Одна я в целом доме. Хозяина нет, на охоту уехал. А место здесь дикое, сами видите, всякий тёмный люд бродит, вот и запираюсь.

— Ладно, ладно, ты зубы не заговаривай, — говорит солдат. — Куда коня ставить?

— Да ставьте, родимые, под навес, тут и ясли, и сено есть.

Солдат привязал коня, дал ему корму и в избу без спросу идёт.

Пётр за ним.

— Ну, старая, — командует солдат, — подавай, что у тебя есть, мне и моему другу Алексеичу.

Старуха видит, что он шибко на неё наступает, спорить не стала, собрала из горшков да котлов остатки — и на стол. У солдата только аппетит

разжёгся.

— Не больно-то для гостей ты расщедрилась!

А старуха жалостно так говорит:

— Милые вы мои, нет у меня ничего. Что наготовила — хозяин с собой увёз, а я на пустых щах весь день сижу.

— Врёшь ты, старая, — говорит солдат, — да я не верю. Может, друга моего, Алексеича, и проведёшь, а я не зря в солдатах служил, меня не обманешь. Вот сейчас я сам посмотрю, что у тебя есть.

Открыл он печку и достал оттуда на сковороде жареного гуся.

— Ах ты старая карга! — закричал солдат. И с кулаками на старуху.

— Оставь ты её! — говорит Пётр. — Чего со старухой связываться!

— Эх, Алексеич, — говорит солдат, — пропадёшь ты со своим смиренством.

Потом пошёл к поставцу, открыл и давай снимать с полок вино, и пироги, и хлеб белый.

Сели они за стол, стали угощаться. Наелись, напились, что было у старухи жарено-варено, — всё съели.

— Ну, старая, готовь ночлег, — говорит солдат. — Не видишь, мой друг Алексеич спать

хочет.

— А идите, дорогие гости, на чердак, на сеновал, — говорит им старуха. — Там вам и тепло будет, и мягко.

— Это что же, для гостей и угла в доме нет? — говорит солдат. — А в другой горнице у тебя что? — И сам на дверь показывает.

— Разный хлам у меня там свален, родимый, хлам разный, — говорит старуха, а сама поплотнее дверь в соседнюю горницу прикрыла.

Солдат думает: «Что-то хитрит старая ведьма. Дай-ка я погляжу, что там за дверью».

И заглянул незаметно в щёлку. Да так и похолодел!

По стенам горницы сабли да ружья развешаны, а в углу человеческих черепов и костей — целая гора.

Тут понял солдат, что попали они прямо к разбойникам, в самое их гнездо.

Отошёл он тихонько от двери, ничем себя не выдал.

— Что ж, — говорит, — пойдём на сеновал, там ещё лучше спать.

Старуха рада, что гости хоть с глаз подальше уберутся, сена им подбросила и фонариком посветила, пока они наверх лезли.

Расстелил солдат на чердаке сено и говорит Петру:

— Ложись, Алексеич, отдыхай.

— А сам-то что не ложишься? — спрашивает Пётр.

— А дозор нести кто будет? — отвечает солдат. — Это дело солдатское. Да ты спи, спи. А я у окошечка посижу, полюбуюсь, как солнышко поднимается.

Пётр спит, а солдат у окошка сидит, в оба смотрит. «Как бы, — думает, — смерть свою не проглядеть».

Вдруг — бряк, стук, колокольцы звенят, копыта стучат — с гиком, свистом едут на двор разбойники.

Посчитал их солдат — всех разбойников пятеро: четверо молодых, а пятый — старик, над всеми, верно, голова.

Старуха на крылечко выбежала, руками на них машет:

— Тише, тише вы, ко мне в силки два птенца попались. Один, видать, птица важная, одёжа на нём с золотыми галунами, рог — серебряный. А другой хоть и простоват, да такой отчаянный! Одно слово — солдат.

— Ну, сынки, — говорит старшой своим сыновьям-разбойникам, — смотрите-ка, добыча сама в руки идёт!

Те смеются:

— А как же, на ловца и зверь бежит!

Распрягли они лошадей, задали им корму и пошли в дом. Мешки с золотом на скамейки побросали и говорят:

— Давай, хозяйка, есть-пить.

Старуха собрала разные остатки и выставила на стол.

— Что же ты, старая, ни гуся, ни пирогов не даёшь? — спрашивает старшой.

— Да ничего не осталось, — отвечает старуха. — Всё, что было, постояльцы съели-выпили.

— Ладно, — говорят разбойники, — получим с

них расчёт за хлеб-соль. Где же они, твои гости?

— На чердаке, на сеновале, — говорит старуха. — Храпят во всё горло.

— Снять их, что ли? — один разбойничек говорит.

— Погоди, не торопись, — приказывает атаман. — Пущай спят до времени.

А солдат слышит всё и давай погромче храпеть.

«Не стану, — думает, — Алексеича будить. Один справлюсь с разбойниками».

Приготовил тесак и ждёт, что будет.

Тем временем старуха затопила печь, стала обед варить.

Наелись разбойники, напились, и говорит старик старшому сыну:

— Ну, Саватейка, ты у меня первый, — значит, тебе и начинать. Иди сними петушков с жёрдочек.

Взял Саватейка нож и полез наверх.

А солдат не дремлет. Только разбойник просунул голову на чердак, солдат как махнёт тесаком — Саватейка и свалился замертво с лестницы.

Отец с братьями удивляются: что это Саватейки долго нет?

— Иди-ка погляди, что он там возится, — гово-

рит старик второму сыну.

Пошёл тот в сени, видит — Саватейка под лестницей лежит.

«Видно, выпил лишнего», — думает разбойник.

И сам полез по лестнице на чердак.

Солдат и его так же встретил.

За вторым братом третий пошёл, за третьим — четвёртый. И со всеми у солдата один разговор: махнёт тесаком — разбойник и повалится.

Ждал-ждал старый разбойник сыновей и пошёл сам.

Подходит к лестнице и видит: сыновья все вповалку лежат.

Заругался старик:

— Бездельники, дармоеды, не могли отцова дела выполнить.

И полез по лестнице.

Только просунул старик голову на чердак, солдат своим тесаком — раз!

— Иди, вожак, к своей стае!

И снял ему голову долой.

Тут принялся он будить Петра:

— Вставай, тёзка. Довольно спать! Эка ты сонуля, как я погляжу!

Пётр проснулся, протёр глаза и спрашивает:

— Что, неужто рассвет уже?

— Рассвет не рассвет, — говорит солдат, — а надо нам отсюда убираться. Занесло нас с тобой в разбойничье гнездо. Они-то, разбойники, думали, что напали на лёгкую добычу, да сами в силки угодили. Вот, гляди, все лежат.

Пётр глянул — и верно, лежат в сенях пять мёртвых тел, пять разбойничков.

— Что же ты меня не разбудил? — спрашивает Пётр.

— Уж больно ты сладко спал, — говорит солдат, — пожалел я тебя будить. Для усталого человека сон — первое дело.

Стали они спускаться по лестнице.

Старуха думает, что это разбойники, и выбежала с фонарём в сени — посмотреть, какую добычу они несут.

Тут солдат на неё и налетел.

— Вот, старая карга, чем ты занимаешься! А ну признавайся: кого ещё у себя прячешь?

А сам тесаком над её головой помахивает.

Пётр смеётся. А старуха плачет:

— Ой, служивенький, никого я больше не прячу! Ой, служивенький, не губи!

Солдат и слушать её не хочет — расходился так, что и не унять.

— Открывай, — кричит, — все потайные погре-

ба, сейчас всех вас на чистую воду выведем, всю сорную траву повыдергаем!

Открыла старуха ему все погреба и подвалы, все потайные кладовые, — а там золото горами лежит.

— Ну-ка, тёзка, — говорит царь солдату, — насыпай себе казны сколько хочешь.

Солдат золотыми монетами оба кармана себе набил, и за голенища сунул, и за пазуху — всего себя кругом деньгами обсыпал.

— Бери и ты, Петруша! — говорит.

— Мне, служивый, не надо! — отвечает Пётр. — А ты это золото и впрямь заслужил.

Для забавы только взял одну монетку царь Пётр и — всё.

Вылезли они из подвала. Солдат опять на старуху наступает:

— Показывай, старая карга, дорогу!

Ну, она и вывела их из лесу.

Выбрались они на большак. Тут Пётр говорит:

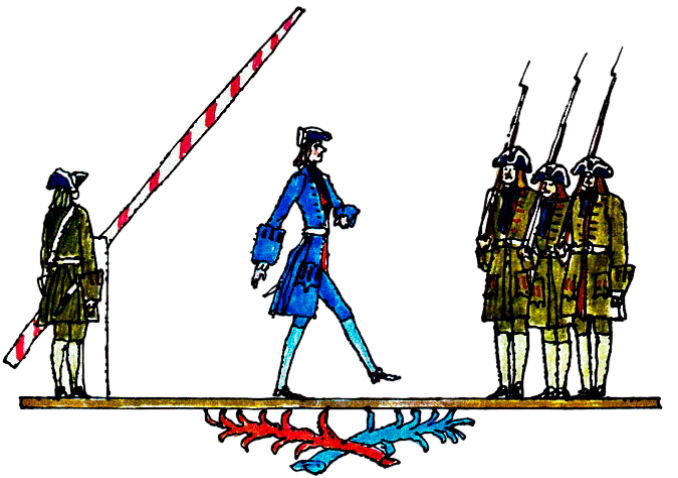
— Вот что, тёзка, теперь давай попрощаемся. Я вперёд один поеду. А ты, как придёшь в столицу, уж сделай милость, приходи в гости.

— Где ж мне тебя найти? — говорит солдат. — Да и поймают меня там!

— Не сомневайся, никто не тронет, — говорит

Пётр. — Иди прямо во дворец и спроси Петрушу. Меня там всякий знает. — И поскакал на коне вперёд.

Подъехал Пётр к своей столице и на каждой заставе приказывает караульным, чтобы таковому солдату прохожему все честь отдавали и в город пропускали.



А беглый солдат идёт-бредёт, не торопится. Подходит он к первой заставе. Что за диво! Караульные на караул берут и честь ему воздают — ну словно самому царю.

Пожертвовал он им горсть золота, а сам думает: «Ай, Петруша, вон что сделал! Ведь недаром честь-то мне воздают! Знают, что при мне деньги имеются!»

Дошёл до другой заставы — и там то же. Караульные, как увидели его, сразу навытяжку.

— Что вы, братцы, — говорит солдат, — выпили, видно, лишнего? Рядового за офицера принимаете! Ну, коли так, уважение за уважение!

Сунул он руку в карман, достал горсть золота и раздаёт караульным.

— Пользуйтесь моей добротой!

Наконец пришёл в столицу.

«А что, — думает, — пойду я во дворец, повидаюсь с Алексеичем».

Подошёл к дворцу и спрашивает у привратника:

— Как бы мне Алексеича повидать, Петрушу, он у вас в царской свите состоит, охотником.

— Извольте, — тот говорит, — я вас провожу.

И прямо в царёвы покои его ведёт.

«Ну, — думает солдат, — пропал я!»

Тем временем Пётр царскую одёжу скинул, охотницкую надел и вышел к солдату:

— Здравствуй, тёзка!

А у того и язык не ворочается. Тихонько так промолвил:

— Здравствуй, Петруша!

А потом и говорит:

— Что же ты, Петруша, со мной сделал? Царю выдал! Теперь пропала моя головушка!

— Ты не сомневайся, — говорит ему Пётр, — останешься без последствий! Мне царь обещал! Да он сам тебе скажет.

И тут же за перегородку пошёл, царскую одёжу надел и опять вышел к солдату:

— Здравствуй, служивый!

Солдат честь отдал, навытяжку стал, сам ни жив ни мёртв со страху.

— Здравия желаю! — отвечает.

Он хоть не робкого десятка был, а тут оробел. В глаза царю смотрит, как по уставу положено, а видеть — ничего не видит.

Стал царь его допрашивать:

— Ты чей, откуда?

Ну, делать нечего, надо сознаваться.

— Бежавший я, — говорит солдат.

— Слыхал, — говорит царь. А потом спрашивает: — Петрушу моего знаешь?

— Знаю малость, — отвечает солдат. — Вместе в лесу бедовали.

— Это, значит, ты его от смерти спас?

Молчит солдатик.

«Я-то спас, — думает, — а вот он меня погубил».

— А скажи-ка, солдат, — опять спрашивает царь, — правду ли говорят, что Петруша этот со мной лицом схож?

Солдат глядит и сам себе не верит: ну одно лицо! Стоит перед ним вчерашний его друг Алексеич.

— Малость смахивает, — отвечает солдат.

Тут царь вынул из кармана золотую монетку, что у разбойников взял, повертел её, с руки на руку перекинул и будто подмигнул солдату.

— Так вот, — говорит, — мне-то хорошо известно, что ты Петрушу от смерти спас. Зато и он тебя нынче спас. По уставу-то знаешь, что полагается за то, что убёг? Ну, да что там говорить! Иди в свой полк и служи, как служил, верой да правдой. Заступишь на место полковника, а полковник

пускай на твоём месте послужит, разучится небось воровать.

Подал ему царь своеручное письмо, и зашагал солдат к себе в полк. А друга своего Алексеича не встречал больше никогда. Уж кого только он ни спрашивал — никто про такого знать не знал.

Загадки-отгадки

Жили-были мужичок с бабой. И был у них сын. Вот как померла хозяйка, мужичок вздумал на другой бабе жениться.

Ну, как водится, невзлюбила мачеха пасынка.

Пристала она к мужу:

— Отдавай его в солдаты!

Жаль мужичку с родным сыном расставаться, да со злой бабой не поспоришь. Повёл мужичок сына в солдаты сдавать.

Прослужил молодец сколько-то лет, и отпустили его домой на побывку.

Отец на него не нарадуется. Все соседи к нему с почтением. По всему видать: бравый солдат. А мачеха ещё пуще озлобилась.

И задумала она извести солдата. Наварила лютого зелья, налила целый ковшик и потчует:

— Выпей, служивый.

Ну, солдат — человек казённый, а казённое — это всякому известно — и в воде не тонет, и в огне не горит. Сразу почуял он недоброе и выплеснул потихоньку отраву в окошко. Да ненароком на отцовых коней попал, что в паре под окном стояли. Как подкошенные упали оба коня, и дух из них вон.

Отец потужил-потужил и вместе с сыном сволок мёртвых коней в овраг.

Налетели на мертвечину шесть ворон, да расклевать добычу не успели — тут же все шесть и упали замертво.

А солдат подобрал ворон, ощипал перья, нарубил мяса и говорит мачехе:

— Испеки мне пирогов на дорогу. Надо мне в обратный путь собираться.

Та и рада.

«Может, хоть с пирогов погибель ему будет, — думает. — Спасенья от него нет!»

Только солдат не стал тех пирогов отведывать. Сложил он их в свой ранец, распрощался с отцом, соседями и пошёл своей дорогой.

Идёт он дремучим лесом. Темно в лесу, а тут ещё ночь его настигла. Вдруг видит солдат: дом стоит, окошками светится. Постучался он. Вышла к нему старая старуха. А в хоромах двенадцать человек сидят, все бородатые, все горластые, глазами что штыком колют — ну, не иначе как разбойники. Так это разбойники и были.

— Пустите, добрые люди, заночевать, — говорит солдат.

— Иди, иди, — смеются разбойники. — Тебя-то мы только и ждали! Показывай: чем богат?

Солдат ранец свой развязал, пироги на стол выложил — угощайтесь, мол! — а сам на полати

полез. Лёг и сонным притворился.

Слышит, разбойники меж собой разговаривают:

— Сперва выпьем, пирогами закусим, а потом и с солдатом разделаемся, чтобы на языке лишнее по свету не разносил. Подавай, — приказывают старухе, — вина да ступай вон!

Выпили они, закусили пирогами и с той закуски все как есть мёртвыми полегли. Все двенадцать, цельная дюжина.

А солдат, как стало светать, слез с полатей и дальше зашагал. Идёт-торопится. Пришёл в полк, как в родной дом. Шутка сказать, в побывке побывал и от трёх смертей спасся!

В полку, кто ни увидит его, говорит:

— Что это ты раньше срока вернулся?

— По службе, что ли, солдатской соскучился?

— Видно, плохо тебя дома потчевали!

— Да уж куда лучше! — говорит солдат. — Питьём угостили — так от одного ковша два коня пали, от двух коней шесть ворон подохли, от шести ворон двенадцать разбойников полегли. Вот как меня потчевали. Только я от этого угощения уклонился. Потому и вернулся живой.

А в ту пору, надо сказать, у басурманского короля разгорелись глаза на наше царство-государство. Попросту говоря, задумал он прибрать к рукам наши земли. Только войной идти побоялся. Послал он нашему царю свою грамоту.

«Будем, — объявил, — загадки друг другу загадывать, загадками воевать. Коли отгадаю твою загадку — мой верх, мой меч — твоя голова с плеч. Коли не отгадаю — твоя взяла».

Прочитал наш царь басурманскую грамоту и созвал на совет всех своих думных людей и генералов.

— Пораскиньте умом, — говорит, — покажите вашу премудрость и военную хитрость.

Думали они, думали — ничего не придумали. Что один загадает, то другой сразу разгадает.

Услыхал про то солдат и явился к самому ца-

рю.

— Ваше царское величество, — говорит, — разрешите мне пойти к басурманскому королю. Есть у меня загадка — такая, что ему в жизнь не разгадать.

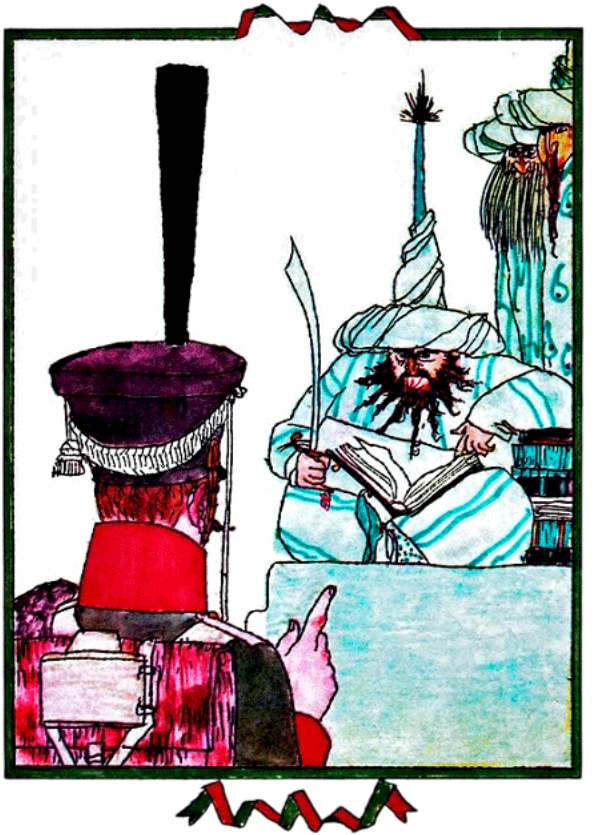
Не знает царь, что ответить, на что решиться.

— А что, может, послать его? — спрашивает своих министров думных и генералов храбрых.

— Пусть идёт, — решили все.

Отправился солдат к басурманскому королю. Приходит, а тот сидит, волшебными книгами обложился, и булатный меч тут же.

— Ну, выкладывай — с чем явился? — говорит басурманский король, а сам мечом поигрывает, но волшебным книгам пальцем постукивает.



Солдат и загадал ему загадку.

— Один, — говорит, — двоих, двое — шестерых, шестеро — целую дюжину. Ну-ка отгадай — о чём речь?

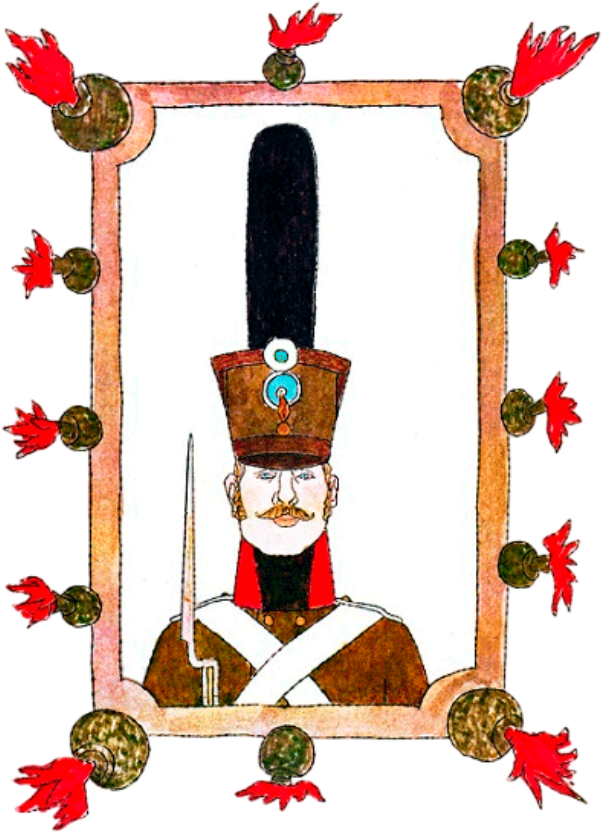
Басурманский король думал-думал, листал-листал свои волшебные книги. Нет нигде отгадки на эту загадку.

— Не можешь разгадать, — говорит солдат, — так вот твой меч — твоя голова с плеч.

И порешил басурманина.

А как вернулся в полк, наш царь его полковничьим чином пожаловал и большим имением наградил.

Как чёрт в солдатах служил



Служил солдат на царской службе. Год служил, два года служил, пять лет служил, десять лет служил, а всё не выходит ему срок. Царская служба — она долгая.

Вот стоял как-то солдат на часах, и так захотелось ему на родине побывать — ну прямо терпенья нет!

— Хоть бы, — говорит, — какой чёрт меня туды снёс!

А чёрт тут как тут.

— Это ты, — говорит, — звал меня?

— Я.

— Чего надо?

— Да вот домой на побывку очень мне охота. Ведь сколько годов отца с матерью не видел!..

— Что ж, — говорит чёрт, — это устроить можно. Это для меня пустое дело. А чем платить будешь?

— А тебе что надо? У солдата за душой больше пятака не бывает.

— На что мне твой пятак! Душу отдашь?

— Бери, коли она тебе на что-нибудь сгодится, — говорит солдат. — Только вот загвоздка: как же я службу брошу? Нельзя мне с поста уходить. Я человек военный. Присягу давал.

— Да я вместо тебя постою, — говорит чёрт.

И порешили они так: солдат год на родине по-

живёт, а чёрт за него служить будет.

— Ну, снимай амуницию, — говорит чёрт. — И душеньку твою в придачу давай.

А солдат не согласен.

— Э, нет, — говорит, — вперёд платить не буду. Солдатская душа не балалайка. Как же я без души домой приду? Да и кто тебя знает, — может, обманешь ещё. Нет, так дело не пойдёт.

— Несговорчивый вы народ, солдаты, — говорит чёрт. — Ну да ладно. Вернёшься — рассчитаемся.

На том и сошлись.

Солдат всё казённое с себя скинул, моргнуть не успел — и уж дома очутился. А чёрт вместо него на часах стоит.

Подходит к нему генерал. Видит, у часового выправка что надо, грудь колесом, глазами начальство ест — всё по форме. А вот ремни не по форме надеты. Им бы крест-накрест через грудь идти, а они через одно плечо пропущены.

— Эт-то что такое? — говорит генерал.

Молчит чёрт.

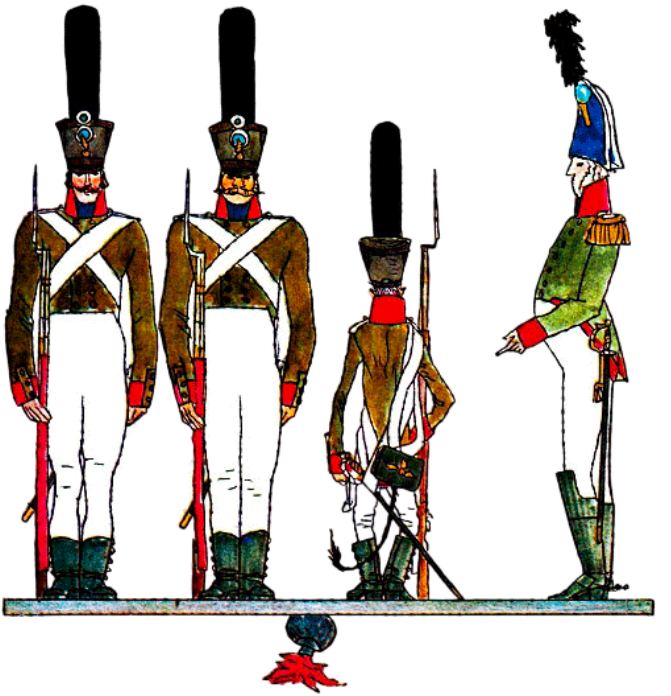
— Надеть, как положено! — приказывает генерал.

Чёрт и так, и сяк, и мнётся, и ёжится, и вертится, а не может ремни правильно надеть. Ну, не выносит он креста на груди. Ведь что ни говори,

а — чёрт!

Только генералу это невдомёк. Генерал долго разговаривать не стал.

— Проучить его хорошенько, — приказывает.



Стали чёрта учить. Каждый день порют.

Если так посмотреть, всем хорош солдат: устав назубок знает, службу несёт исправно, начальство уважает. И придраться как будто не к чему. А ремни на одном плече носит. Хоть плачь. Хоть учи. Хоть не учи.

Удивляются все:

— Что такое с этим солдатом сделалось? А ведь прежде какой исправный был!

Так весь год и учили чёрта — то ремнём учили, то плетью.

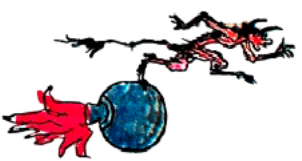
Кончился год, и — минута в минуту — явился солдат ему на смену.

Чёрт и про душу забыл. Чуть завидел солдата — всё с себя долой.

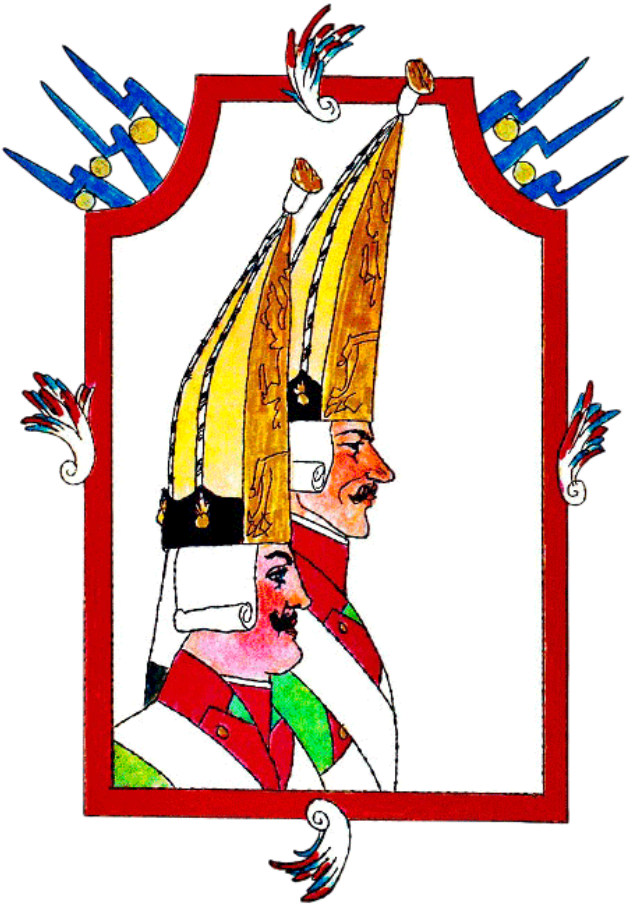
— Ну вас, — говорит, — с вашей службой солдатской. Как это вы только терпите!

И побежал без оглядки.

А солдат снова на своё место стал. Стоит как ни в чём не бывало. И ремни застёгнуты по форме. И душа при нём.



Про Петухана-Куруханович
и
Заплетай-Расплетаевича



Шли по деревне два солдата — люди дорожные. Зашли они в избу, попросились у старушки на отдых.

— Не найдётся ли у тебя, хозяюшка, чего-нибудь поесть горяченького? — спрашивают.

— Нечем мне вас попотчевать, — говорит старушка. — Ничего у меня нет горяченького, и печка не топлена, и щи не варены. Вот выставлю вам кваску да хлеба, и будет с вас.

А у самой в печке петух варёный — в горшке под сковородой.

Ну, служивого человека на кривой козе не объедешь. Солдаты сразу смекнули, что дело нечисто. Пока старуха в погреб за квасом ходила, один солдат достал горшок из печи, вытащил петуха — и в ранец. А вместо петуха лапоть сунул, что под лавкой валялся.

Вернулась старушка, налила кислого квасу в миску, накрошила чёрствого хлеба и говорит (для смеху говорит, посмеяться, значит, над солдатами вздумала):

— Хочу я вас спросить, сынки, вот про что. Вы люди бывалые, служивые, где только не ходили, чего только не повидали, а вот ведомо ли вам, что в городе Печенском, в селе Горшеченском, что под Сковородинским, живёт-поживает Пету-

хан-Куруханович?

— Э, бабушка, — говорят солдаты, — было это да прошло. Поздно ты спохватилась. В городе Печенском, в селе Горшеченском, что под Сковородинским, слыхом не слыхать про Петухана-Куруханович.

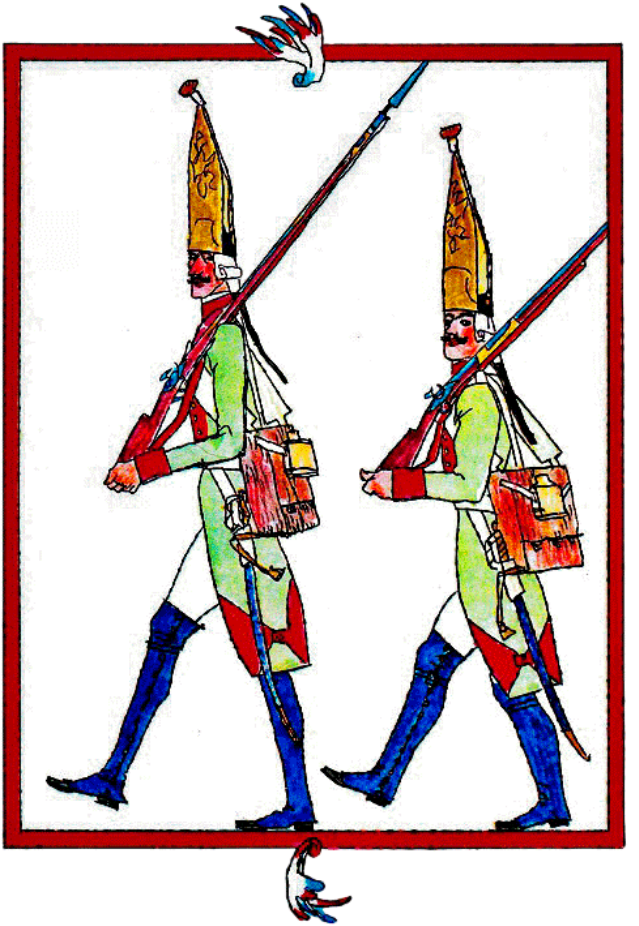
— Да где же он, друг мой любезный?

— А в Сумин город переведён, в село Заплеченское.

— Так кто же теперь в Печенском проживает?

— Известно кто — Заплетай-Расплетаевич!

Ну, посмеялись все, похлебали солдаты квасу с хлебом и ушли.



Ввечеру воротился из города сын старушки.

Собрала она на стол, достала горшок из печи, ткнула вилкой — не может петуха вытащить.

— Беда да и только! — вздыхает. — Вишь как разварился петух! А всё из-за солдат прохожих. Еле от них уберегла!

Шарила она, шарила вилкой в горшке, наконец вытащила, да не петуха — лапоть!

— Ахти мне, — запричитала старушка. — Перехитрили меня солдаты! Вкруг пальца обвели. Вот он ихний Заплетай-Расплетаевич! — И швырнула старый лапоть под лавку.

— То-то, матушка, — говорит сын, — солдаты народ тёртый. Солдат не то что петуха в печке — он на три аршина под землёй видит.

Золотые перья

Служил солдат на царской службе целых двадцать пять лет. А царя в глаза не видел. Отслужил срок, получил чистую отставку и домой пошёл.

Стали родичи да знакомцы спрашивать его:

— Вот ты двадцать пять лет на царской службе служил, а каков он — царь?

Нечего солдату ответить.

Смеются все над ним:

— На царской службе — и царя не видел!

Обидно это показалось солдату, и решил он пойти на царя посмотреть.

Пришёл во дворец.

Царь спрашивает:

— За чем пожаловал, солдат? Жалобу принёс или просить что хочешь?

А солдат напрямик, безо всякой хитрости и говорит:

— Так и так, ваше царское величество, служил я тебе целых двадцать пять лет, а тебя в лицо не видел. Вот и пришёл посмотреть.

— Ну, смотри.

Солдат три раза обошёл вкруг царя, всего его оглядел, с головы до пят.

Царь спрашивает:

— Что, нагляделся?

— Так точно, ваше царское величество.

— Теперь знаешь, кому служил?

— Так точно, ваше царское величество.

— А теперь, — говорит царь, — я тебя испытаю — погляжу, набрался ли ты ума-разума на моей службе. Отгадай-ка мои загадки. Ну-ка скажи: высоко ли небо от земли?

— Да не слишком высоко, — говорит солдат, — в небе загрохочет, а на земле слышно.

— А теперь, служивый, скажи: велика ли земля? — спрашивает царь.

— Уж так велика, ваше царское величество, что солнце с одной стороны всходит, а в закат уже с другой стороны клонится.

— А сколь глубока земля, знаешь? — опять спрашивает царь.

— Ох и глубока, батюшка царь! Моего деда лет девяносто тому, как похоронили и в землю зарыли, а он и по сию пору домой не воротился. Во как глубока земля!

— Ну, вижу я, не зря ты служил, — говорит царь. — Мозговитый солдат! Теперь будет тебе последнее испытание. Пошлю я к тебе тридцать гусей. Сумей у каждого по перу выдернуть. Да смотри не оплошай, служба! И уж не взыщи: придётся тебе денёк-другой в темнице посидеть, пока я гусей тебе пригоню.

Что ж, придётся так придётся.

Тем временем призвал царь тридцать самых богатых купцов.

Пришли они. И у каждого мешок с золотом, — к царю с пустыми руками не пойдёшь.

Только царь их подарков не принял, а загадал им загадки — те, что солдату загадывал.

Купцы переглядываются, в затылках чешут — не могут ответа дать. На небо не заберёшься, сквозь землю не пробьёшься, кругом землю не обойдёшь.

Ну, коли не могут дать ответа, велел царь заключить их в темницу. Пусть посидят да подумают. А в темнице их уже солдат поджидает. «Вот они, гуси-то», — думает.

А потом говорит:

— Купцы-молодцы, за что вас в темницу бросили?

— Да, вишь, царь-государь нас допрашивал: далеко ли небо от земли, да сколь земля велика, да сколь глубока? А мы люди простые, тёмные. Откуда нам такую премудрость знать. Вот за то и попали в темницу.

Солдат думает: «Этих гусей не грех пощипать! Да не по одному пёрышку!»

И говорит купцам:

— Дадите мне по тыще рублей, так я вам эту мудрость открою.

Купцы и рады.

— Да об чём говорить! Ничего не пожалеем! Выручай, служивенький!

Отвалили они ему по тысяче рублей, — да всё золотом, — а он их и вразумил.

Через день снова призвал царь купцов.

Ну, они от чужого-то ума поумнели, так у них и страха никакого нет. Смело идут.

— Может, надумали ответ? — спрашивает царь.

— Надумали, надумали, царь-государь!

Все разом говорят, друг дружку перебивают и, как учил их солдат — слово в слово — всё и выложили.

Отпустил их царь. А потом за солдатом послал.

— Что скажешь, служба? Сумел перья с гусей выдернуть?

— Сумел, царь-государь, да не по одному пёрышку. И не простые перья — золотые!

— Вот и молодец! А далеко ли тебе до дому?

— Отсюдова не видно, не слышно, — стало быть, далеко.

— Ну, ступай с миром!

Приказал царь подать ему тарантас, и воротил-

ся солдат домой.

И царя повидал, и сам не оплошал, и деньгами разжился.

Солдатская щедрость

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь. Наскучило ему сидеть во дворце. Вот и вздумал он покататься, владения свои оглядеть. Что вздумал, то и сделал. Да как раз беду себе нажил. Говорят, нет худа без добра, а ведь и добра без худа не бывает: обронил царь со своей руки именной перстень самоцветный. Обронить-то легко, а найти трудно.

Тотчас приказал царь разослать гонцов по всем дорогам, пусть повсюду объявят: кто найдёт царский перстень, тому и награда будет царская.

Тем временем шёл солдат на побывку домой. Отслужил он верой и правдой пятнадцать годов, и отпустили его родные места повидать, отцу-матери поклониться. Ему и так весело шагать — к дому-то не то что из дому, — а тут ещё посчастливилось найти на дороге перстень с камнем самоцветным, с именной печатью. Ну, не иначе как царский!

«Что ж теперь делать? — думает солдат. — Коли в полк ворочаться и в полку объявить, так дело по начальству пойдёт — от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного к полковнику, а тот к бригадиру. Пока по рукам ходить будет, как раз и затеряется. И ни с чем я останусь. Дай-ка я сам пойду прямо к царю».

И пошёл. Приходит в столичный город, а там людей, а там дверей! Насилу дознался, где дворец стоит. И прямо к парадному крыльцу шаг держит.

А у крыльца стражник стоит, никого не пускает.

— Кто таков? По какому случаю? — спрашивает.

— Так, мол, и так, — говорит солдат. — Дело у меня. Веди к царю.

— Какое-такое дело?

— Да я царский перстень именной нашёл, хочу царя порадовать.

— Вот что, братец, — говорит стражник, — я тебя к царю проведу, только уговор такой: какую тебе даст царь награду, из той награды половина моя. А не хочешь — вовек не дойти тебе до царя.

Задумался солдат.

«В кои-то веки счастье привалило, — думает, — так и тем поделись. Начальство обошёл, так здесь попался. Ну, да делать нечего».

— Ладно, — говорит стражнику. — Половина, считай, твоя.

Повёл его стражник через весь дворец, до самых царёвых покоев, и наказывает:

— Смотри не обмани!

— Будь благонадёжен! — говорит солдат. — Моё слово верное! Солдатское!

Ну, а царь как узнал, что солдат его перстень нашёл, обрадовался несказанно.

— Спасибо тебе, служба, — говорит. — Жалую я тебе за это две тысячи золотых. Доволен небось?

А солдат царю:

— Никак нет, ваше царское величество. Не солдатская это награда. Солдат — человек походный. У него и ранец за спиной, и ружьё на плече, и котелок на боку. Это ж понимать надо. Где же при нашей службе ещё мешок с золотом таскать? Нет уж, увольте, ваше царское величество. Не по уставу это. Да и непривычно нашему брату.

Царь только руками развёл от удивления.

— Так чем же тебя наградить, чтобы по уставу было? Чтобы привычно?

— Солдатская награда — известная, — говорит солдат. — Сто плетей по спине. И привычно, и по уставу.

— Ну, братец, и дурак же ты! — сказал царь. — Сам себя наказываешь. Да воля твоя. Получай свою награду!

И послал придворного слугу за плетью.

А солдат мнётся.

— Вот ведь какое дело, ваше царское величе-

ство, — говорит солдат, — должок у меня есть. Стражник, что меня во дворец допустил, слово с меня взял, что я ему половину вашей царской награды отдам. А солдатское слово — верное. Так что пятьдесят плетей ему приходится.

Засмеялся царь.

— Ты, я вижу, не такой уж дурак, — говорит.

Приказал царь позвать стражника и отсчитать на его спине пятьдесят плетей.

Как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат и говорит:

— Ваше царское величество, коли он на чужое такой жадный, я ему, так и быть, свою половину тоже жертвую. Пусть знает солдатскую щедрость!

— Вишь какой добрый! — усмехнулся царь. — Что ж, будь по-твоему!

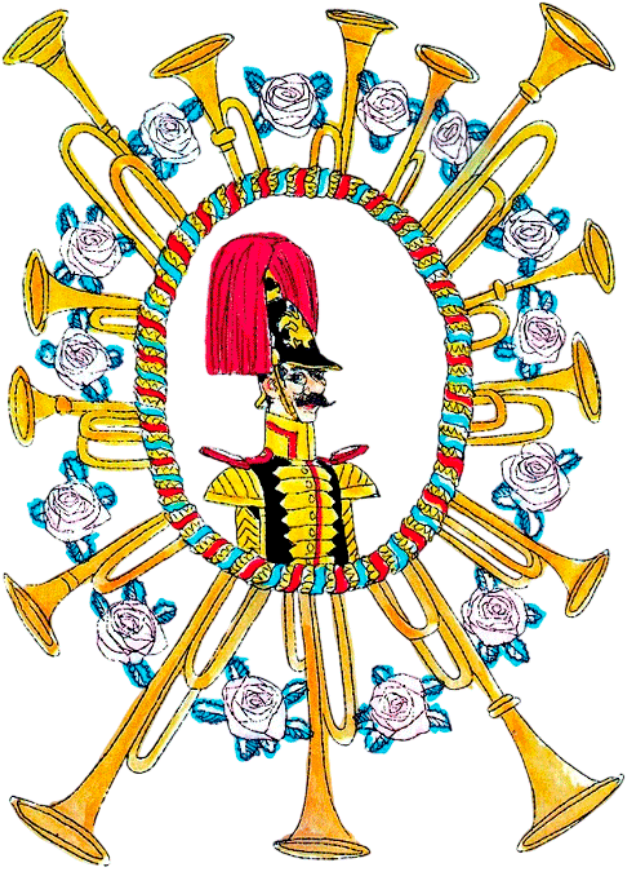
И наградили стражника ещё полсотней плетей.

С той награды стражник еле-еле на карачках домой дополз.

А солдата царь отпустил в чистую отставку и пожаловал ему на житьё-бытьё мешок золота.

— Теперь-то, — говорит, — тебе устав не помеха!

Щи из топора



Шёл солдат домой на побывку, ногами вёрсты мерил. Дождём его поливало, ветром его обдувало. Иззяб он и оголодал.

Добрался он до какой-то деревушки, остановился у одной избы, постучался в окно.

Вышла к нему хозяйка.

— Здравствуй, бабушка, — говорит солдат, — пусти кости погреть.

А старуха в ответ:

— Как же, как же, есть у меня клеть.

Старуха-то была скупая да хитрая. У неё на уме — только бы солдата спровадить.

— Какая ещё клеть! — говорит солдат. — Мне бы обогреться да чего-нибудь поесть.

А старуха ему:

— Вот на гвоздике и повесь.

— Да ты что, совсем глуха?

А старуха опять:

— Я про то и говорю, что нет петуха.

Только служивого человека не проведёшь!

«Погоди, старая, — думает солдат, — я тебе глухоту сейчас вылечу».

Да как гаркнет:

— Шагом марш! Левой! Левой! — и прямым ходом в избу ввалился.

— Подавай, — командует, — на стол!

Старуха видит, что притворяться не приходится, и в слёзы:

— Нечего, служивенький, нечего. Я и рада бы, да нечего.

А солдат не унимается.

— Вари щи! — приказывает.

— Да из чего варить-то? Не из чего, родимый!

«Ну, — думает солдат, — надо на военную хитрость идти!»

— Давай топор, — говорит старухе. — Из топора варить буду. По-солдатски.

«Что за диво, — думает старуха. — Хоть погляжу, как из топора щи варят». Принесла она топор.

— Разводи огонь в печке, — командует солдат. — Выставляй чугунок побольше.

А сам положил топор в чугунок, воды налил и в печку сунул. Вода кипит, а он знай помешивает. Потом попробовал и говорит:

— Что-то не наваристый твой топор. Надо бы малую толику мясца подбросить.

Старуха полезла в погреб, принесла мяса кусок. Солдат бросил мясо в котёл, опять варит. Варил, варил, снова попробовал.

— Эх, — говорит, — хороши щи, только капустки маловато.

Старуха опять в погреб сбегала, принесла кочан капусты.

Солдат нарубил её тесаком и туда же в котёл бросил.

Варил, варил, ещё раз попробовал и говорит:

— Вот теперь в самый раз. Ну, бабушка, собирай на стол, подавай хлеба да соли да принимайся за ложку. Отведаешь наших солдатских щей.

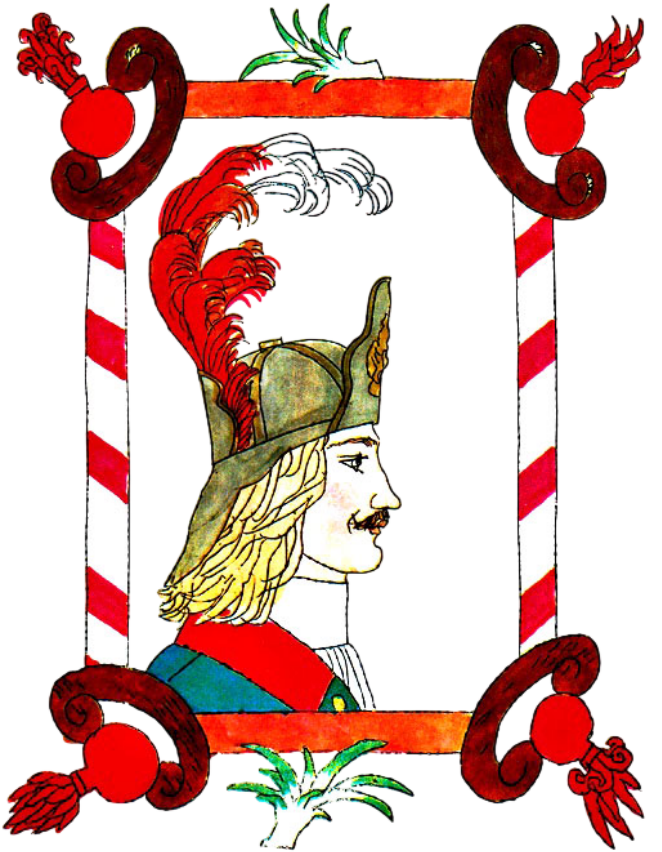
Похлебали они щей. Старуха ест — нахвалиться не может.

А солдат обогрелся, подкрепился и дальше в дорогу собираться стал. Топор из котла вынул и в ранец припрятал.

— Он, бабушка, тебе ни к чему теперь — весь выварился. А мне, может, и сгодится — в дороге поглодать.

Вот так-то солдат и щей поел, и топор унёс.
Вот она военная хитрость!

Лев, щука и человек



Вот как это случилось. Вышел лев к реке воды напиться. А тут щука из воды высунулась. Разговорились они. Вдруг щука вильнула хвостом и скорей под воду.

Лев спрашивает:

— Ты чего спряталась? Чего испугалась?

— Как это — чего? — говорит щука. — Человека увидела.

— Какого такого человека? — удивился лев. — Не знаю я про такого. Не видел.

— Увидишь ещё! — говорит щука. — Ох и хитрый он! Кого хочешь перехитрит!

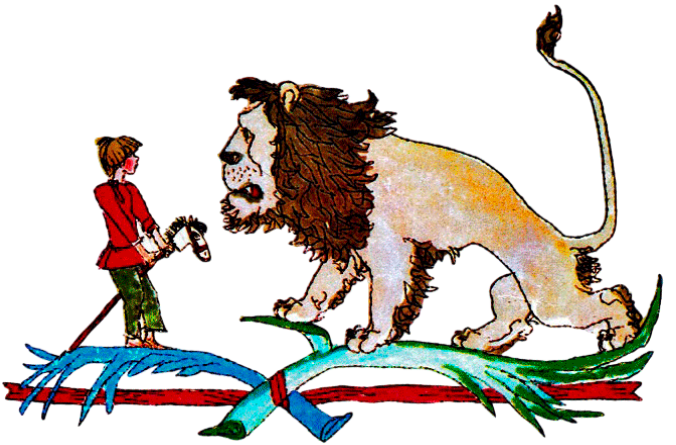
— Уж, верно, меня не перехитрит, — говорит лев. — Пойду-ка поищу его, да и расправлюсь по-свойски.

И пошёл искать человека.

Шёл, шёл, и повстречался ему малый паренёк.

— Ты кто такой? Может, человек? — спрашивает лев.

— Что ты! — говорит паренёк. — Какой я человек! Что ни задумаю, все только и твердят мне: «Вот когда станешь человеком, тогда и будешь делать, что хочешь». Да когда ещё этого дождёшься!



Лев махнул хвостом и дальше пошёл.

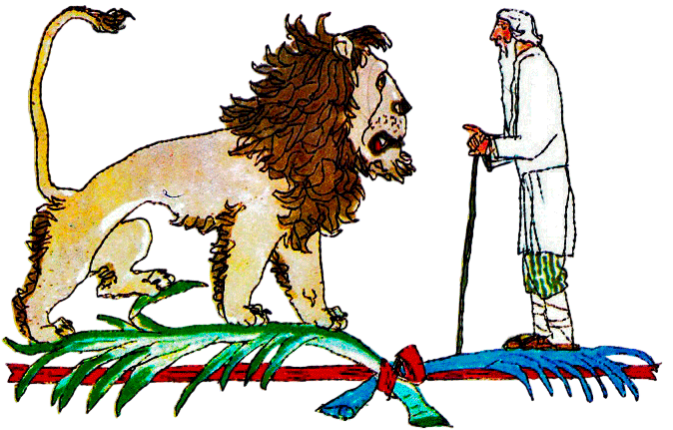
Видит, идёт по дороге седой старик.

Лев — к нему.

— Ты кто, человек? — спрашивает лев.

— Что ты, батюшка лев, — отвечает старик. — Какой же я человек! Был когда-то человеком, это правда, да с тех пор сколько воды утекло!.. За что ни возьмусь, все мне одно твердят: «Не суйся, дед,

ты своё отжил, не мешай другим».



Не тронул старика лев. Тряхнул головой и дальше пошёл.

«Что, — думает, — за диковина? Никак не найти мне человека».

Тут попался ему навстречу солдат при ружье и сабле.

Лев — к нему.

— Ты, что ли, человек? — спрашивает.

— А как же, — говорит солдат. — Ясное дело — человек! Да ещё служивый! На мне всё царство-государство держится.

— Ну, служивый или не служивый, а я тебя запросто съем.

— Э, нет, — говорит солдат. — Служивого человека съесть не так-то просто. Не для того меня муштровали, чтобы ты меня съел.

— Тебя съесть дело нехитрое, — говорит лев. — Вот прыгну на тебя, проглочу — и всё тут, хоть тебя и муштровали. Так-то, любезный!

А солдат не соглашается.

— Ну, не скажи! Нашего брата так не съешь. Разве будет солдат ждать, чтобы ты на него бросился? Солдат всегда первый в атаку бросается. Ты вот раскрой пасть пошире, я к тебе в брюхо сам и прыгну.

— Сам так сам, — говорит лев. — Сделай одолжение.

Разинул лев пасть, уперся всеми четырьмя лапами в землю.

Ждёт.

А солдат наметился, прицелился, изготовился да как пальнёт из ружья прямо льву в пасть. А потом, не теряя времени, подбежал поближе и ещё саблей по уху его полоснул. Ухо так враз и отскочило. Тут уж лев давай дёру. Без оглядки до самой реки добежал. Сунулся в воду, хочет водой огонь внутри потушить. Лапой голову трёт — ухо своё ищет.

Выплыла к нему щука, спрашивает:

— Ну, что, нашёл человека?

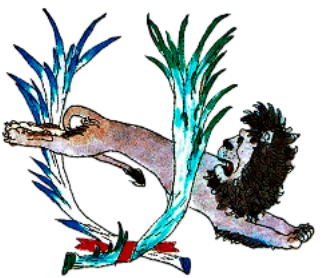
— Нашёл, — говорит лев. — Правда твоя — до чего же хитёр! Сразу-то его не распознаешь. То говорит, что был человеком, то говорит, что будет, а один признался, так я и не рад. Говорит мне: «Открой, братец, пасть, я сам к тебе в брюхо прыгну». Я и поверил, стою с разинутой пастью. Тут он как плюнет в меня — всё нутро выжег, до сих пор огнём горит. А потом высунул язык — а язычище у него длинный, белый, острый — я и опомниться не успел, как он мне ухо слизнул…

— То-то же, — говорит щука. — Не поверил ты

мне, вот и пеняй на себя. Я его, человека, давно знаю. У него и язык острый, и рука цепкая. Он как запустит руку в воду, так с самого дна хоть кого вытащит. Хитёр человек, ох и хитёр!

— Да-а, — сказал лев в раздумье. — Только вот что я в толк не возьму. Этот хоть и признал себя человеком, да всё больше служивым себя именовал, а то и солдатом.

— Это всё равно, одно слово — человек, — сказала щука и ушла под воду.



КОНЕЦ

